ВОЛЖСКІЕ ТАТАРЫ.

I.

ДЖІИНЪ (*).

(Вмѣсто вступленія.)

Каждая татарская деревня имѣетъ унылый видъ; проѣзжая, вы подумаете, что здѣсь чума и всѣ заперлись, опасаясь заразы: стая голодныхъ собакъ встрѣтитъ и проводитъ васъ своимъ не гармоническимъ концертомъ; кое-гдѣ увидите нѣсколько ребятишекъ, прижавшихся у забора или выглядывающихъ изъ подъ воротъ. Заборы всѣ испещрены нарочно прорубленными отверстіями, откуда блеститъ глазъ какой нибудь старой любопытной татарки и рѣдко въ половину окна отдернется занавѣсочка и изъ-за нея проглянетъ на васъ черный глазокъ, оттѣненный азіатскою бровкой. Иногда, особенно подъ вечеръ, гдѣ нибудь на овинѣ или около ручейка, раздается заунывная татарская пѣсенка съ акомпаниманомъ гармоники.... все это производитъ на васъ самое грустное впечатлѣніе. Миновавши нѣсколько деревень съ подобною физіономіею, вы скажете, что здѣсь

(*) Джіинъ—народный праздникъ, отправляемый всегда лѣтомъ въ свободное отъ страды время, но только не въ теченіе рузы—поста. Начинается онъ въ пятницу и оканчивается въ воскресенье, слѣдовательно продолжается три дня. Нѣсколько сосѣднихъ между собою деревень праздпуютъ разомъ, потомъ другія деревни и т. д.

нѣтъ жизни, нѣтъ веселья, разгула, и остаетесь на-половину правы.

Кому веселиться въ лѣтнее время въ деревнѣ? Все работящее, начиная съ десятилѣтняго мальчика до шестидесятилѣтняго старика въ полѣ, на работѣ. Во время страды и сѣнокосовъ женщины и дѣвушки тоже въ полѣ, остальное время дома за работою въ четырехъ стѣнахъ. Онѣ даже стѣснены въ семействѣ; пророкъ лишилъ ихъ всѣхъ удовольствій на этомъ свѣтѣ, обѣщая самую ничтожную награду на небесахъ. Татарка—это мумія въ саркофагѣ. Ея общество—общество ей подобныхъ; кромѣ мужа, отца и роднаго брата, она лишена права даже показаться, не только поговорить съ мужчиной. Все удовольствіе дѣвушекъ—сходить за ягодами, за орѣхами, за горохомъ, сидѣть въ избѣ и играть въ шакмакъ (*), или тихонько мурлыкать нѣсенку, посматривать изъ-за косяка на проходящую молодежь, разсказывать небывалыя исторіи о привидѣніяхъ и сплетничать другъ на друга.

Подъ вечеръ деревня нѣсколько оживляется, возвращается молодежь съ поля, закуситъ, отдохнетъ дома и выходитъ переваливаясь на улицу себя позабавить. Составляются партіи, играютъ въ бабки, катаютъ шаръ или перекидываются старымъ лаптемъ (**). Но, вотъ слышится голосъ муэззина, онъ призываетъ правовѣрныхъ къ послѣдней молитвѣ: бредетъ мулла съ палочкой, идетъ старикъ на босую ногу въ лаптяхъ, начинаютъ показываться бѣлыя чалмы во всѣхъ концахъ деревни, въ мечети виднѣются огоньки и затихаетъ все. Молодежь перестаетъ играть и, по окончаніи муэззинова призыва къ молитвѣ, складываетъ набожно руки, читаетъ молитву и нехотя расходится по домамъ. Черезъ полчаса во мракѣ снова слышится говоръ: это вышли правовѣрные изъ мечети и, медленно шагая за муллою, толкуютъ объ урожаѣ, рекрутскомъ наборѣ, недоимкахъ и проч. Но скрипнули тяжелые ворота муллы и пошли бѣлыя чалмы по деревнѣ; скрипъ калитокъ утихаетъ, на улицѣ остается какая нибудь юродивая полунагая дѣвка (***), и караульные мальчишки подъ навѣсомъ, гдѣ берегутся пожарныя, разсохшіяся бочки на трехъ колесахъ, дразнятъ собравшіяся около нихъ стаи собакъ.

(*) Разрѣзываютъ прутикъ вдоль на двѣ части и каждую часть поперекъ на нѣсколько кусочковъ. Играютъ: — взявъ въ горсть нѣсколько такихъ кусочковъ, бросаютъ ихъ на какую нибудь гладкую поверхность, потомъ щелчкомъ пальца заставляютъ кусочекъ столкнуться съ другимъ, лежащимъ одинаковою съ нимъ поверхностію, ровною или полукруглою. Условія этой игры различны.

(**) Особеннаго рода игра, правилъ и порядка, которой я передать не умѣю.

(***) Юродивыхъ обоего пола можно встрѣтить почти въ каждой деревнѣ, а тѣмъ болѣе наканунѣ праздника.

Наконецъ и они засыпаютъ, исполняя свято свою обязанность, то есть карауля нарочно положенныя съ этою цѣлію подъ себя полушубки и разсчитывая навѣрное, что, скорѣе бы могли покуситься на ихъ полушубки, чѣмъ на старую бочку или багоръ безъ конца. Нѣтъ въ татарской деревнѣ ни кабака (*), ни хороводовъ, а безъ этого что за жизнь русскому мужику, онъ бы со скуки умеръ. Поэтому нѣкоторые паши сельскіе остряки прозвали татарскія деревни скитами. Да, русскій имѣетъ болѣе поводовъ веселиться; у него есть Пасха, Троица, Вознесенье, Преполовенье, Срѣтеніе, Рождество, у него есть имянины, крестины, родины — разгулъ да и только.

У татарина разъ въ годъ бываетъ общественный праздникъ и то оставшійся, какъ говорятъ, отъ временъ языческихъ,—это Джіинъ, которому и посвящается настоящая глава.

При восходѣ солнца тишина деревни нарушается призывомъ муэззина, который на этотъ разъ, то есть въ день Джіина старается подольше протянуть звуки своего голоса. Просыпается первымъ, по привычкѣ, мулла и вслѣдъ за муэззиномъ, проговоривъ «Аллагу-акбэръ» (Богъ великъ), бѣжитъ творить умовеніе къ молитвѣ; — просыпается, почесываясь, мужичокъ-пахарь и, лѣниво подымаясь со своего нероскошнаго ложа, торопится надѣть на себя чистое платье и спѣшитъ въ мечеть, надѣвая по дорогѣ вчера еще вымытую и свитую чалму.

«Аллагу-акбэръ» снова кричитъ муэззинъ, «Аллагу-акбэръ» повторяетъ бай (зажиточный богачъ), ворочаясь въ пуховикахъ. А какое спанье этимъ баямъ? прелесть! пуховикъ толстый, широкій, въ головахъ три-четыре подушки, подъ бокомъ подушка, у другихъ и подъ ухо кладется тоже маленькая продолговатая подушка, одѣяло шелковое, стеганое и пологъ кисейный со всѣхъ четырехъ сторонъ, а возлѣ всегда молодая жена. Но несмотря на все это, бай непремѣнно встаетъ, творитъ тэгарэтъ, то есть умовеніе, и идетъ къ молитвѣ. Ему нельзя не идти, потому что онъ себя ставитъ въ примѣръ всѣмъ татарамъ своей деревни, и непремѣнно долженъ благодарить Бога за свой достатокъ и молить Его о помощи во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ и о продленіи его жизни на многія лѣта.

Во время молитвы поднимается вся деревня. Встаетъ парень-джигитъ (**) съ узенькими глазами, бѣжитъ въ баню (баня въ эту ночь у всѣхъ готова), моется со всѣмъ стараніемъ, какъ бы желая сте-

---

(*) Въ нѣкоторыхъ уже стараніями откупщиковъ, они заводятся, несмотря на большое сопротивленіе со стороны муллы и картовъ (стариковъ).

(**) Удалецъ.

реть съ себя свой загаръ, свою смуглость, надѣваетъ на себя самое лучшее одѣяніе: розовую ситцевую рубаху съ огромнѣйшимъ воротникомъ, широкіе ситцевые полосатые шаровары изящно подбираетъ въ складки и засовываетъ въ новые козловые ичиги; шапка съ бобромъ, или изъ мелкихъ барашковъ украшаетъ его голову вмѣстѣ съ шитой золотомъ или шелками тибитейкой, которую онъ выставляетъ на затылкѣ изъ-подъ шапки. Просыпаются различныя биби (*), которыя недавно только заснули, мечтая о предстоящемъ весельи;— просыпаются и бѣгутъ къ зеркальцу посмотрѣть ровно ли легла черная краска на ихъ зубки, и убѣдившись въ этомъ, посматриваютъ на ноготки свои, окрашенные въ красный цвѣтъ. Начинаются уборы: бѣлятъ свои личики свинцовыми бѣлилами, наводятъ румянецъ на всю щеку, насадятъ по родинкѣ на щеки, заплетаютъ косы и покрываютъ ихъ длинными лентами, украшенными въ два ряда позолоченными цѣлковыми, полтинниками, четвертаками и гривенниками; надѣваютъ на себя ситцевыя или шелковыя рубахи съ пятью оборками и широчайшими рукавами; грудь рубахи украшена лентами, позументомъ и монетами; шелковый колпакъ съ полтинниками и вышивными цвѣтами надѣвается на бекрень, а красныя, синія и пестрыя ичиги обтягиваютъ ихъ маленькія ножки.

Просыпается и русскій мужичокъ, пріѣхавшій на этотъ разъ съ пряниками, орѣхами, огурцами, яблоками, рожками и другими сластями, помоется, на востокъ помолится, чтобы Господь побольше барышей послалъ, и начинаетъ впрягать свою лошадку, чтобы выѣхать для торгу на улицу и кричать коверканнымъ татарскимъ языкомъ названіе своихъ товаровъ, и деревня принимаетъ праздничный видъ. Нѣтъ ни одного неумытаго мальчишки, всѣ они одѣты по состоянію, въ ситцевыя, или пестрядинныя новыя рубахи и въ новыя чаплашки (ермолки), купленныя ими на свои деньги, которыя они получили за ягоды съ проѣзжаго барина. Даже юродивая дѣвка— и та одѣта въ новую рубаху, и той какой-то добрый мусульманинъ для спасенія души далъ подарокъ—милостыню. И прыгаетъ юродивая на босую ногу въ новой рубахѣ около воза съ пряниками, повторяя за мужикомъ его пѣсню и кусая конецъ рукава дареной рубахи.

Поднимаются хозяйки, надѣваютъ на себя фартуки и прѣютъ передъ очагомъ, готовя запасы на праздники сдобныхъ лепешечекъ и пироговъ. Давно уже началась для нихъ работа, за недѣлю до этого дня они готовили пиво, медъ, дѣлали сюзьму, каймакъ (**) и сливоч-

(*) Биби — слово придающееся къ женскому имени, говорятъ, что происходитъ отъ арабскаго хабиби, что значитъ — любезная.

(**) Сюзьма — родъ сметаны; каймакъ — густыя вареныя сливки, сбитыя въ комокъ на подобіе сливочнаго масла.

ное масло. Для этихъ труженицъ и праздникъ не въ праздникъ, — суета сует; но онѣ не ропщутъ, значитъ и имъ хорошо.

Выходятъ изъ мечети правовѣрные, надѣваютъ галоши, подбираютъ кончикъ чалмы и идутъ гурьбами; впереди всѣхъ мулла, окруженный баями своей деревни и его гостями. Раздается въ толпѣ «и къ намъ милости проспимъ», — это всѣ, начиная съ бая до послѣдняго бѣдняка просятъ муллу посѣтить его и, прочитавши молитву, почать готовое кушанье. Всѣ смотрятъ весело, а мулла всѣхъ праздничнѣе, да и какъ ему не веселиться: не успѣетъ придти домой, какъ къ нему спѣшатъ мусульмане съ милостынею, кто въ три копѣйки, кто въ цѣлковый, а кто побогаче, тотъ кромѣ синенькой, приноситъ еще и матеріи на халатъ, и эти приношенія правовѣрныхъ продолжаются до полудня. Женѣ его татарки наносятъ муки, лицъ, крупъ, холста, что Богъ послалъ. Кромѣ того муллу ожидаютъ сотни домовъ откушать, и тамъ сыплются ему тоже деньги. Женщины въ этотъ день имѣютъ особенный столъ, и муллиха, по нашему попадья, должна засѣдать въ каждой избѣ и собирать за попробованье кушанья — деньги, платки, холсты и нитки.

Все утро до полуденной молитвы посвящено чаю. Куда ни зайдите, въ домъ ли деревенскаго бая или въ лачугу бѣднаго татарина, вездѣ пьютъ чай, мало того — въ анбарахъ и сѣняхъ, наконецъ на дворѣ, на чистомъ воздухѣ, и тамъ чай, — съ тою однако разницею, что бай съ гостями-родственниками, привезшими богатыя куштаначи (*) пьетъ на нарахъ, покрытыхъ персидскими коврами, съ сахаромъ, медомъ, вареньемъ, баурсакомъ (**), куштили (***), кабартмой (****), сыропомъ, лимономъ, чухонскимъ масломъ и каймакомъ, а бѣдный купилъ себѣ на послѣднемъ базарѣ осьмушку кирпичнаго чаю, заварилъ его, за неимѣніемъ самовара, въ котлѣ и попиваетъ съ медкомъ, а можетъ быть и съ кой-какими приложеніями, но низшаго сорта; на дворѣ пьютъ кучера и прислуга хозяевъ и гостей. Въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ анбарахъ-холодникахъ начинаетъ появляться пиво и довольно хмѣльное, которое, будучи запрещеннымъ напиткомъ, называется у нихъ квасомъ, чтобы брать меньше грѣха на душу; иногда появляется и водочка (аракы), которую, какъ они говорятъ, приготовили для русскихъ гостей, а если застанутъ ихъ съ рюмкой у рта, то оговариваются, что это не аракы, а арышъ-маи (ржаное масло). Русскіе фабричные и сосѣдніе му-

(*) Куштапачь — гостинецъ.

(**) Баурсакъ — колобки изъ тѣста, вареныя въ маслѣ.

(***) Куштили — сходно съ кушаньемъ, извѣстнымъ у хозяекъ подъ именемъ хвороста или розанцевъ.

(****) Кабартма — малороссійскія пампушки или русскія пышки.

жики, погулявши по знакомымъ, отъ татарскаго гостепріимства начинаютъ ощупывать обѣими руками, и даже подъ часъ боками, крѣпки ли стѣны и заборы, когда вдругъ все это разгулявшееся мужское населеніе, заслышавъ голосъ соборнаго муэззина, спѣшитъ къ соборной мечети.

Въ маленькую соборную мечеть, толпа, съѣхавшаяся почти съ половины уѣзда, не помѣщается, по этому нерѣдко молитва совершается на открытомъ воздухѣ. Торжественна эта молитва, когда сотни падаютъ ницъ, встаютъ и кланяются въ одно время, тишина невѣроятная, и среди всего этаго, безмолствующаго и какъ бы погруженнаго во что-то великое, скопища, едва долетаетъ до васъ мѣрное и тихое, нѣсколько въ носъ, протяжное чтеніе молитвы соборнаго имама.

Молитва кончилась, народъ разбрелся по домамъ, на улицѣ ходитъ только пестрая молодежь, павѣрное зная, что изъ каждой щелочки забора выглядываетъ нескромный глазокъ; и изрѣдка промелькнетъ, какъ тѣнь, мулла, или муллиха, обходящіе, съ набитыми туго желудками, своихъ прихожанъ. Солнце переходитъ на западъ, деревня пустѣетъ, только иногда увидишь гдѣ нибудь подъ заборомъ русскаго мужичка отплевывающагося и бранящагося: «Господи прости меня грѣшнаго; ишь натрескался съ собаками, аки пёсъ, какъ будто досель и вина не видалъ.»

На часахъ деревенскаго бая пробило 7 часовъ и гости его, расположившіеся на отдыхъ послѣ шести-часовой работы зубами и языкомъ, просыпаются, и снова ихъ фигуры со свернутыми подъ себя калачикомъ ногами рисуются полукружіемъ за самоваромъ. Откушавши полдюжины чашечекъ, вся эта сытая до нельзя компанія единогласно изъявляетъ желаніе ѣхать на джіинъ. Кибитки разныхъ величинъ и различныхъ вкусовъ набиваются подушками, покрываются коврами и нагружаются семействами гостей. Мужской полъ садится въ красивыя телѣжки и, самъ правя лошадьми, ѣдетъ отдѣльно.

Теперь приступаю къ описанію картины самаго праздника,—этого народнаго и полудикаго гульбища, гдѣ на небольшомъ пространствѣ толчется нѣсколько сотъ человѣкъ, занятыхъ различными удовольствіями и собравшихся съ различными цѣлями.

Я опишу вамъ картину джіина въ такомъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ самому удалось прослѣдить этотъ праздникъ въ одной деревнѣ Казанскаго уѣзда.

Представьте себѣ долину, посреди которой течетъ узенькій ручеекъ, окаймленный кустами тальника; по покатостямъ горъ кое гдѣ подымается одинокая сосна и вдали идетъ частый кустарникъ. Окраины горъ усѣяны толпами умѣренныхъ любопытныхъ, кибитками

гостей и возами торгашей. Внизу въ одномъ концѣ густая толпа окружаетъ разгулявшуюся молодежъ, которая, съ повязанными на шею красными платками, распѣваетъ подъ нѣсколько гармоній и скрипокъ татарскія пѣсни; невдалекѣ другая толпа окружаетъ двухъ борющихся двѣнадцати-лѣтнихъ мальчишекъ, которые выбиваются изъ силъ, не желая уронить себя предъ этимъ собраніемъ зрителей и, ободряемые криками джигитовъ чуть не грызутся, и потъ обильно выступаетъ на плотномъ ихъ тѣлѣ. Немного дальше происходитъ драка напившагося насмщика въ рекруты, — который ничѣмъ не дорожитъ, зная, что ему уже одна дорога въ солдаты, — со старостою и выборнымъ, жалкими блюстителями общественнаго порядка, окаймленная также толпою, которая по мѣрѣ хода дѣла начинаетъ принимать участіе въ дракѣ и выходитъ изъ арены, къ удовольствію хладнокровныхъ зрителей, съ подбитымъ глазомъ и съ разцарапанной бритой головою.

Пройдите нѣсколько подальше — и вы увидите иной міръ и иной родъ веселья. Взору вашему представится смѣшанная толпа дѣвушекъ и парней, изъ которой, плавно какъ лебеди, выходятъ пары и, обходя непрерывающимися вереницами вокругъ недалеко отстоящихъ кустовъ, возвращаются обратно, мѣняются какъ въ мазуркѣ, и снова медленное круговое обхожденіе, которое медленностью своею напоминаетъ польскій. Здѣсь нѣтъ музыки, нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ даже громкаго разговора, здѣсь какъ будто всѣ сосредоточились въ себѣ и совершаютъ что-то величественное. Нужно замѣтить, что всѣ играющія дѣвушки принадлежатъ къ низшему сословію; бай, или вообще болѣе или менѣе порядочный отецъ не пуститъ играть свою дочь, ей только позволяется смотрѣть на эти игры; между тѣмъ ея же родной братъ, будто бы шутки ради, беретъ дѣвушку и становится въ толпу играющихъ.

Между мусульманами толкутся также толпы русскихъ фабричныхъ и безчисленное множество ребятишекъ, на лицахъ которыхъ вы читаете какое-то напряженное состояніе ожиданія. Эта пригуль разсыпана по всей аренѣ джіина. Дѣло идетъ къ вечеру. Купцы съ пряниками начинаютъ повышать цѣны на товаръ, нисколько не безпокоясь о сбытѣ, и часто поглядываютъ по направленію къ деревнѣ. Джигиты тоже очень часто бросаютъ взгляды на дорогу, и вы явно замѣчаете, что всѣ обратились въ ожиданіе и вся картина принимаетъ какой то унылый и усталый видъ.

Но вотъ показалась пыль по дорогѣ и высокимъ столбомъ понеслась по полю. «Байларъ (*)» кричитъ мальчишка на окраинѣ долины

(*) Богачи.

и, толкая другихъ съ какою-то бѣшеною радостью безъ всякой цѣли стремглавъ спускается въ долину. Вездѣ слышится «байларъ, байларъ» и все веселѣетъ; даже юродивая дѣвка, до сихъ поръ сидѣвшая на корточкахъ подъ телегою одного торгаша, и та выскакиваетъ оттуда и съ крикомъ «байларъ» кувыркомъ катится въ долину, къ общему удовольствію толпы.

Подъѣзжаетъ тележка, другая, третья, иногда можно ихъ насчитать до десяти и болѣе, — это дѣйствительно «байларъ» то есть самъ деревенскій бай, его родственники и гости. Не успѣютъ опорожниться тележки, какъ уже толпа густымъ конвоемъ окружитъ пріѣхавшихъ. Молодые баи съ легкостію франтовъ соскакиваютъ съ телѣжекъ, старики — съ важностію какого нибудь ревизора.

Посмотрѣли бы вы, что написано во взорахъ этой толпы, которыми она пожираетъ баевъ; это не взоръ зависти, не взоръ, которымъ встрѣчаютъ и провожаютъ толпы мужиковъ исправника, а взоръ какой-то привязанности, взоръ, какимъ надѣляютъ своихъ благодѣтелей. Хотятъ ли двинуться баи, толпа немедленно разступается и дѣлаетъ корридоръ; съ своей стороны и они стараются оказывать возможныя ласки: погладятъ какого-нибудь маленькаго мальчугана, похвалятъ парня лѣтъ шестнадцати, спросятъ о здоровьи какую нибудь встрѣтившуюся старушку....

«Ну, ребята, времени мало, солнце на закатѣ; а кто хочетъ получить цѣлковый или два или платокъ шелковый?» — возгласитъ какой нибудь изъ баевъ постарше, когда они уже все обозрѣли и выбрались изъ долины, сопровождаемые толпою. Пѣсни и игры бросаются, всѣ бѣжатъ поглазѣть, кто въ самомъ дѣлѣ получитъ призъ. Вотъ очищается мѣсто, выходятъ съ двухъ сторонъ джигиты, медленно снимаютъ казакины, халаты и праздничныя шапки, и остаются въ ситцевыхъ рубахахъ и тибитейкахъ. Опоясываются для большаго удобства кушаками гарусными, засучиваютъ рукава и приноравливаются миролюбиво, куда бы вцѣпиться другъ въ друга половчѣе. Скрещиваются ребята, составляютъ изъ себя не живописную позу и ходятъ, кружатся, выбирая удобную минуту, чтобы *словчить подъ ножку* или приподнять соперника и грянуть о земь. По ходу дѣла составляются между балми пари, то за одного, то за другого борца.

Маневръ, рѣшающій борьбу, бываетъ очень быстръ и неожиданъ, и чтобы примѣтить его, не нужно сводить глазъ съ борцовъ. Вдругъ движеніе, раздается стукъ — и одинъ лежитъ. Неистовый крикъ толпы, аплодисменты служатъ тушемъ, подъ который побѣдитель, оправляясь, идетъ получить заслуженный цѣлковый, или другой призъ. На побѣжденномъ остается позорное пятно, которое

онъ имѣетъ право смыть или тутъ-же или на джіинѣ въ другой деревнѣ.

Ипогда борьба продолжается очень долго и утомленная толпа начинаетъ кричать «черезъ себя, черезъ себя!» Тогда одинъ изъ борцовъ приподымаетъ соперника, самъ падаетъ на землю и перекидываетъ его черезъ себя, тотъ летитъ и ушибаетъ себѣ подбородокъ, а иногда подвергается и вывиху. Подобный маневръ допускается только въ такомъ случаѣ, когда борцы, по равенству силъ, долго не могутъ рѣшить борьбы; въ противномъ случаѣ маневръ этотъ считается позорнымъ и призъ выдается побѣжденному.

Насмотрѣлись баи на борьбу, роздали подготовленные призы и, сопровождаемые толпой, идутъ къ торговцамъ, покупаютъ у нихъ пряники, финики, рожки, винныя ягоды и прочее. Толпа понемногу уменьшается, молодые люди возвращаются къ прежнимъ удовольствіямъ; остаются старые да малые.

Мальчишки засучиваютъ рукава, подбираютъ полы казакиновъ, крѣпче нахлобучиваютъ на голову свои шапки, — они знаютъ, что ихъ ожидаетъ. Щедрые баи берутъ фунтъ или два того, другаго, третьяго и кидаютъ въ долину на драку; будущее поколѣніе стремглавъ кидается внизъ и не взирая ни на какія препятствія, рветъ вмѣстѣ съ травою добычу, даже юродивая, кидается во всѣ стороны и не обращая вниманія на толчки и колотушки, быстро забираетъ пряники и финики себѣ въ ротъ. Эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока не надоѣстъ балмъ забавляться, или когда возы у торгашей опустѣютъ.

Но вотъ уже солнце дѣйствительно на закатѣ, приходитъ время молитвы и степенное поколѣніе готовится къ отъѣзду. Молодые же зная, что скоро конецъ играмъ, съ большею энергіею пускаются въ пляски и пѣніе, мальчишки жуютъ сласти, которыми они подѣлились съ своими маленькими сестрами.

Чѣмъ ниже опускается солнышко, чѣмъ темнѣе наступаютъ сумерки, тѣмъ веселѣе дѣлается молодежь, тѣмъ развязнѣе становятся дѣвушки. Но усталость и благоразуміе берутъ наконецъ свое и двѣ толпы направляются къ деревнѣ. Дѣвушки первыми расходятся по домамъ, полныя новыхъ ощущеній.... Наконецъ все затихаетъ, черезъ часъ храпитъ вся деревня, и прохрапитъ до тѣхъ поръ, пока не потревожитъ ее встающій вмѣстѣ съ ранними пѣтухами безпокойный муэззинъ.... и снова все оживаетъ, опять слѣдуютъ новыя варіаціи на вчерашнюю тему.

Многіе муллы подавали и подаютъ прошенія муфтію объ уничтоженіи этого обычая, которыя оставались и остаются безъ послѣдствій. Но это варварство — лишить народъ единственнаго гульбища,

можетъ придти въ голову только какихъ нибудь фанатиковъ, ханжей, которые желаютъ показать себя вѣрными и безкорыстными сынами Ислама. Мнѣ думается, что какъ бы строго ни запрещать этого гульбища, все-таки оно просуществуетъ до тѣхъ поръ, пока татары не начнутъ праздновать Троицы, святокъ и не привыкнутъ къ хороводамъ, слѣдовательно пока не переродятся во всемъ въ русскихъ.

II.

ДЕРЕВЕНСКІЙ МУЛЛА.

Чтобы лучше понять, что такое мулла, нужно прослѣдить всю жизнь его и выставить его всѣми дурными и хорошими качествами. Впрочемъ не берусь за это, а, не стѣсняя себя никакою программою, напишу, что знаю и какъ умѣю.

Первыя лѣта его дѣтства пройдемъ молчаніемъ, потому что все это время онъ бѣгаетъ по улицамъ и роется въ грязи, наравнѣ съ другими мальчуганами, отличаясь отъ нихъ развѣ иногда ситцевой рубахой, и перейдемъ къ его воспитанію, когда онъ поступаетъ въ мадрасу (*) и дѣлается шакирдомъ. (**)

Выучившись подъ родительскою кровлею пропѣть наизустъ алифъ-би (азбуку), мальчикъ поступаетъ въ мадрасу. Тамъ первое время принимаютъ его не много лучше, чѣмъ у насъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е., не даютъ въ мордасы для испытанія, будетъ ли жаловаться, но за то для него предстоитъ искусъ не менѣе непріятный, — онъ долженъ быть на побѣгушкахъ и прислуживать во всемъ безпрекословно старшимъ шакирдамъ, изъ которыхъ одинъ назначается его воспитателемъ.

Почти каждая деревня имѣетъ подобное училище. Поѣзжайте въ лѣтній день по деревнѣ и вы тотчасъ можете узнать есть ли въ этой деревнѣ мадраса или нѣтъ.

Первое вашимъ взорамъ представится, невдалекѣ отъ мечети, длинный, одноэтажный, деревянный домъ оконъ въ пять, шесть и болѣе, изъ которыхъ торчитъ множество любопытныхъ татарскихъ физіономій различнаго возраста, какой-то раздирательный концертъ,

---

(*) Есть училища, вмѣщающія въ себѣ до 150 и даже 200 учениковъ. Каждое училище содержится на иждивеніи какого нибудь богатаго лица (бая) и носитъ на себѣ его названіе: училище Юнусовское, Апанаевское, Усиановское и т. д.

(**) Шакирдъ — ученикъ.

ни на что непохожій, — это малолѣтняя учащаяся братія на всѣ голоса тянетъ святыя словеса Корана....

Посмотримъ на дворъ этого храма науки: на первомъ планѣ, то есть, на крылечкѣ подъ навѣсомъ, красуется нѣсколько ученой молодежи, которая вышла сюда съ различными цѣлями: побороться, потолковать, пошутить, посмѣяться, или просто поплевать внизъ на одну точку: и это своего рода наука, — плюнуть нѣсколько разъ съ растоянія двухъ-трехъ аршинъ на одну точку. Дворъ испещренъ группами бѣгающихъ семинаристовъ; кто вышелъ поставить, или вычистить самоварчикъ, кто совершить тэгарэтъ, или накачать воды изъ колодца. Задній планъ бываетъ различно обстановленъ: въ одной мадрасѣ небольшой сарай, гдѣ эти мусульманскіе семинаристы покуриваютъ, за неимѣніемъ табаку, свернутую трубочкой бумагу и доставляютъ себѣ другія удовольствія. Будь же у мадрасы сзади ручеекъ, или просто лужечка, о, здѣсь совсѣмъ иная картина: берегъ ручейка весь испещренъ черными кружками, остатками маленькихъ костровъ, — толпа маленькихъ шакирдовъ суетится за самоварами, нѣкоторые преспокойно щиплютъ пельмени, или готовятъ тукмачъ (въ родѣ лапши), не руководствуясь никакой поваренной книгой; далѣе на маленькомъ таганчикѣ съ озабоченной физіономіей какой нибудь черномазенькій татарчонокъ печетъ блины и аладьи для своей старшей братіи, которая преспокойно поплевываетъ въ это время на крыльцѣ, или сидитъ въ избѣ.

Не воображайте себѣ что нибудь похожее на наши уѣздныя, или даже сельскія школы, не думайте, чтобъ это было похоже на какую нибудь избу — на русскую или татарскую, — совсѣмъ нѣтъ; татарское училище ни на что не похоже.

Изба съ двойнымъ поломъ: одинъ какъ и должно быть, а другой почти наравнѣ съ окошками; поэтому, чтобы войти въ избу изъ сѣней, должно подняться на три-четыре ступеньки. За тѣмъ, вся эта площадь раздѣлена досками и занавѣсами на небольшія кануры, такъ что не знаете сначала, куда вы попали; но откройте изъ любопытства одну занавѣсь, и вы тамъ увидите интересную живую картину: на главномъ планѣ засѣдаетъ, сложивши ноги подъ себя, на свернутомъ въ нѣсколько разъ стеганомъ одѣялѣ, или безъ церемоніи на подушкѣ, шакирдъ лѣтъ двадцати слишкомъ, въ тибитейкѣ надвинутой на самыя брови, въ одной длинной рубахѣ и часто на босу ногу; около него въ безпорядкѣ, на полу, на сундучкахъ, на корточкахъ расположены маленькіе шакирды съ книгами въ рукахъ и думою на челѣ. Старшій шакирдъ съ диктаторской важностью толкуетъ имъ или арабскую грамматику, или переводитъ съ арабскаго на татарскій молитвы. Рядомъ, за ситцевой занавѣсочкой, оживленный хохотъ.

Тамъ шакирдовъ пять-шесть распиваютъ съ заѣзжимъ гостемъ чаекъ, кушаютъ блины и трактуютъ о томъ о семъ, безцеремонно отирая полотенцами текущій по всему тѣлу потъ. За перегородкою, плотно сколоченною изъ досокъ, спитъ самый набольшой шакирдъ; это личность успѣвшая далеко перейти періодъ невозвратнаго юношества и давно выжидающая вакантнаго мѣста. Онъ или спитъ, или корпитъ съ ослинымъ терпѣніемъ надъ перепискою толстыхъ мусульманскихъ богословскихъ книгъ, и иногда, что очень рѣдко, пишетъ стихи.

Въ подобную мадрасу везутъ будущаго муллу, представляютъ мударису (муллѣ-учителю); тотъ, погладивъ его по головѣ, приметъ подарки, если они есть (рѣдко ихъ не бываетъ), и передастъ вновь поступившаго какому нибудь старшему шакирду въ ученіе и воспитаніе. Шакирдъ приметъ мальчика, приметъ всѣ его вещи, т. е., сундучокъ съ двумя-тремя смѣнами бѣлья, нѣсколько книгъ, праздничный казакинъ и двугривенныхъ два денегъ, приметъ подарки и ребенокъ поступилъ; — тутъ не нужно ни прошеній, ни свидѣтельствъ, ни протекцій.

Должность директора, инспектора и учителей занимаетъ одинъ мулла, и его воспитанники именуются его шакирдами, а школа его школою (*).

Но такъ какъ ему учить всѣхъ дѣтей нѣтъ времени, потому что въ иной мадрасѣ ихъ бываетъ отъ ста-пятидесяти до двухъ-сотъ-пятидесяти съ вольноприходящими (**); то онъ самъ дѣлится своею премудростію только со старшими, а маленькіе черпаютъ ковшомъ любознательности отъ своихъ воспитателей-старшихъ шакирдовъ. Срока ученія не положено; угодно, — завтра же выходите безъ подачи прошенія, какъ и при поступленіи, или чрезъ годъ, чрезъ два, угодно, — можете провести всю жизнь въ мадрасѣ.

За нравственностью маленькихъ смотрятъ ихъ воспитатели, а сами они ведутъ себя, какъ слѣдуетъ мусульманамъ, и изъ соревнованія слѣдятъ другъ за другомъ. Первое дѣло — молись пять разъ въ сутки, твори при этомъ омовеніе, держи постъ и читай книгу,—вотъ три заповѣди для шакирда. Часовъ для ученья не назначено, а когда есть время у старшаго—учатся маленькіе. Вся лекція проходитъ въ толкованіи и толкованіяхъ, — уроки спрашиваются только отъ самыхъ юнѣйшихъ, а прочимъ довѣряется это на совѣсть.

(*) Улъ Хамидъ Хазратнынъ шакирди (т. е. онъ ученикъ муллы Хамида), или онъ учился въ мадрасѣ муллы Хамида.

(**) Лѣтомъ число ихъ много уменьшается, потому что лѣти хлѣбопашцевъ идутъ по своимъ деревнямъ помогать роднымъ на страдѣ и сѣнокосѣ. Къ зимѣ снова всѣ приходятъ.

Вытерпѣвши безчисленныя колотушки и потасовки за невытерживаніе уроковъ и нарушеніе обрядовъ, шакирдъ ждетъ только пушка и старается нахвататься солидности, чтобы попасть въ старшіе шакирды. Наконецъ и этотъ переходъ, совершается: ему поручаютъ учить мальчиковъ! Съ этого дня физіономія, фигура, даже самая походка у него мѣняется: вчера былъ дитя, сегодня скромный ученый труженикъ, съ постоянно нахмуренными бровями и глубокою думою на челѣ. Но удовольствіе не продолжительно, — все на свѣтѣ надоѣдаетъ; — свыкается шакирдъ съ новыми обязанностями, и начинаетъ закидывать свои мысли въ пріятное будущее, подумывать о мѣстѣ муллы, о семейной жизни.... Онъ уже увѣренъ, что онъ выгодный женихъ, и что за него никакая дѣвушка не прочь выдти.

Въ самомъ дѣлѣ, шакирдъ, — это прекрасный деревенскій кавалеръ, и сильно занимаетъ воображеніе дѣвушекъ, какъ въ провинціи заѣзжій студентъ или офицеръ. Каждая дѣвушка давно запримѣтила уже какого нибудь смуглаго юношу, имъ живетъ и дышетъ, но, о жестокій пророкъ! не можетъ сказать ему слова ласковаго, не можетъ даже показать своего алаго личика. Но наконецъ выведенная изъ терпѣнія, она нечаянно отпахнетъ свой платочекъ и подаритъ его улыбочкой и умильнымъ взглядомъ.

Пропалъ шакирдъ, забыты книги, младшіе воспитанники ему въ тягость, и чуть свободная минута заслдетъ онъ въ уголокъ и запоетъ свою заунывную пѣсенку:

Какъ росли-то рядкомъ
Двѣ березы большихъ, —
Что побольше была,
Я на стрѣлы срубилъ.
Какъ прорѣзалися
У меня два уса
Да и тѣ на чуги (*)
Къ дорогимъ колпакамъ
Просятъ дѣвицы. (**)

И начинаетъ онъ строить куры красной дѣвушкѣ: мимо пройдетъ — пріосанится, а встрѣтится — поклонится; запоетъ свою пѣсенку громче прежняго, чтобъ и она услышала:

(*) Чугъ — кисточка.

(**) Переводъ какъ этой, такъ и слѣдующихъ пѣсенъ переложенъ на мѣру г. К. Н. Калачевымъ.

Тебѣ я кольцо щегольское
Изъ серебра, другъ, заказалъ
И, долго искавши, тебя я
Межь яблонь въ саду отыскалъ.

Загорится сердце у бѣдной дѣвушки; и она, какъ наступятъ сумерки, задумается, броситъ работу и по неволѣ запоетъ:

Я рубаху скроила себѣ канифасную
Пусть оборкой своей она пола касается;
Я взростила себѣ талью прекрасную:
Пусть теперь на нее всѣ глядятъ и влюбляются.

И дѣйствительно любуется юный обожатель ея стройнымъ станомъ, потому что лицо ея онъ можетъ только вспомнить, а увидитъ развѣ разъ-два гдѣ нибудь не при людяхъ, или нечаянно. Что дѣлать шакирду, какъ выразить свою любовь? Подарка дать онъ не въ состояніи, да и нѣтъ возможности, — и начинаетъ онъ писать стихи:

Ахъ! тебя сотворилъ
Краснымъ яхонтомъ Богъ,
А лицо тебѣ далъ
Краше полной луны!...
Щечки аленькія
Какъ рубины горятъ!
Наградилъ тебя Богъ
Бровью черной, какъ ночь,
Взоромъ полнымъ огня,
Страстью пламенною, и пр.

Каковы-бы результаты этихъ интригъ ни были, но пробивается у шакирда волосъ мудрости, и онъ видитъ, что это ни къ чему не ведетъ: онъ смотритъ уже съ матеріальной стороны. Онъ видитъ, что та не можетъ быть его женою, потому что отъ жены муллы требуется также нѣкоторая начитанность, другая—потому, что отецъ не выдастъ за бѣдняка, да притомъ нужно заботиться и о будущемъ, о мѣстѣ, а за той не дается мѣста (*).

Его занимаетъ въ это время также наука и товарищескій кружокъ, онъ всегда не прочь отъ богословскихъ и философскихъ споровъ, которые ведутъ по двумъ дорогамъ: или дѣлаютъ малаго не-

(*) Мулла имѣетъ право передать свое мѣсто сыну, брату, внуку, зятю, кому захочетъ; но для этого получающему мѣсто все-таки нужно выдержать экзаменъ и получить приговоръ отъ общества.

годяемъ, что часто случается, или воспроизводятъ въ немъ настоящій взглядъ на вещи, но послѣднее весьма рѣдко, какъ и слѣдуетъ ожидать. Поэтому большая часть остается фанатиками и ханжами. Но въ самомъ дѣлѣ пора подумать о будущемъ: вотъ слышитъ онъ, что у такого-то муллы одна дочь и за ней отдается мѣсто, намотаетъ это себѣ на усъ и всѣми силами старается достичь цѣли. Знакомится съ отцомъ, старается ему понравиться и посылаетъ сваху. Отецъ согласенъ, у дочери рѣдко спрашиваютъ, и шакирдъ женатъ. Чтобы быть муллою въ какой бы то ни было деревнѣ, нужно собрать приговоръ съ жителей, согласны ли они его имѣть муллою, а это очень просто: былъ бы только согласенъ бай той деревни. Приговоръ готовъ и скрѣпленъ подписью и тамгами безграмотнаго населенія. Остается теперь ѣхать держать экзаменъ въ Уфу въ духовное собраніе.

Нѣсколько указныхъ муллъ-засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ муфтія, оцѣниваютъ соискателей.

Необходимости ѣхать въ Уфу будущему муллѣ избѣгнуть никакъ нельзя. Поэтому разоряется бѣдняга, занимаетъ гдѣ нибудь въ счетъ будущихъ благъ. Проситъ пособія у баевъ и наконецъ, сколотивши сотняги три-четыре, пускается въ дорогу. Экзаменъ, какъ слышно бываетъ не очень мудреный, и поэтому рѣдкій получаетъ отказъ, или, какъ принято говорить здѣсь въ заведеніяхъ, — проваливается.

Пріѣзжаетъ въ Казань изъ Уфы мулла съ удовольствіемъ въ сердцѣ и пустотою въ карманѣ. Здѣсь новые хлопоты о полученіи утвержденія, новые расходы, новые долги, благо теперь скорѣе дадутъ, потому что мулла уже хлопочетъ объ указѣ, а впереди предвидятся доходы.

Молодая уста-бикя (*) ждетъ не дождется своего милаго дружка, который уже успѣлъ отправить ей изъ города съ попутчиками нѣсколько писемъ, полныхъ татарской поэзіи....

Вступленіе въ должность муллы не сопровождается никакимъ особеннымъ волненіемъ, а тихо и спокойно. Только малолѣтніе татарчата задаютъ себѣ вопросъ: добръ ли будетъ новый мулла, ихъ будущій наставникъ?

Какъ только вступитъ новый мулла въ должность, па другой же день, ни свѣтъ ни заря, соберется къ нему вся босоногая школа и онъ, съ длиннымъ прутомъ въ рукахъ противъ шалуновъ и невнимательныхъ, начинаетъ или азбуку или склады, ему вторитъ вся

(*) Въ переводѣ, ученая княгиня, барыня, госпожа; такимъ титуломъ пользуются жены татарскихъ муллъ.

компанія. Урокъ продолжается часъ и два, по волѣ учителя. Конечно этотъ трудъ вознаграждается весьма скудно: нѣсколько чашекъ муки со стороны матери, починка телеги со стороны родителя, если онъ плотникъ,—или что нибудь въ родѣ этаго. Курсъ ученья начинается съ осени, когда уже нужно вставать при свѣчахъ, и окапчивается съ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ. Расходъ на освѣщеніе муллы ничуть не касается, потому что каждый человѣкъ обязанъ представить въ двѣ недѣли по свѣчкѣ и приносить извѣстное количество сухой лучины.

Ученіе это нисколько не походитъ на школы сельскихъ нѣмецкихъ пасторовъ, которые толкуютъ дѣтямъ слово Божіе и учатъ ихъ нравственнымъ правиламъ; здѣсь другая цѣль: стараніе учителя обращено на то, чтобы мальчикъ умѣлъ читать коранъ и все печатное, (*) зналъ наизусть молитвы (**) и болѣе ничего.

Результатомъ этого выходитъ то, что почти каждый татаринъ знаетъ наизусть богослуженіе, хотя и не понимаетъ, что читаетъ, всякій почти можетъ читать печатное, а нѣкоторые и письменное. Нравственное воспитаніе отдается на волю родителей.

Маленькія татарочки тоже остаются не безъ вниманія. Въ одну пору съ мальчиками, и даже иногда въ одной избѣ съ ними, онѣ чинно сидятъ и учатся у татарской попадьи всему тому, чему и ихъ братья. Мальчикъ, которому далась наука поступаетъ въ мактабъ и нерѣдко достигаетъ ученой степени муллы, или муэззина. Способная дѣвушка тоже не покидаетъ науки и учится у своей устà-бики до тѣхъ поръ, пока сама не выйдетъ замужъ за какого нибудь муллу и сама сдѣлается устà-бикою.

Дѣти баевъ учатся непремѣнно до тѣхъ поръ, пока не будетъ нѣсколько мороковать поарабски и поперсидски и пока попавыкнутъ скорописи и ариѳметикѣ, — болѣе для нихъ и не нужно.

Послѣ ученія мулла занимается или чтеніемъ корана и другихъ книгъ духовнаго содержанія, или приступаетъ къ работамъ по хозяйству, весьма разнообразнымъ. Склонность къ торговлѣ, свойственная каждому татарину, замѣчается также и въ муллѣ. Имѣй

(*) Вѣроятно читателю извѣстно, что коранъ писанъ на арабскомъ языкѣ, а азбука арабская принята татарами, какъ и всѣми другими мусульманскими народами.

(**) Богослуженіе мусульманъ совершается пять разъ въ сутки именно: на зарѣ—утренняя молитва; въ полдень—полуденная, третья—предъ закатомъ, четвертая—послѣ заката солнца, и пятая—ночная, часа черезъ два по закатѣ солнца; молитвы читаются почти одинѣ и тѣже съ нѣкоторыми перестановками прибавленіями и сокращеніями.

онъ лишній грошъ — тотчасъ пускается въ торговлю. Но что это за торговля, иной разъ даже забавно: напримѣръ купитъ мулла фунта два чаю, сахару, соли, свѣчъ, меду, если нѣтъ своихъ пчелъ, купитъ ситцу, мишурнаго позументу, ленточекъ, дешевыхъ серегъ и колецъ серебряныхъ и продастъ это у себя въ дому по мелочи, на разновѣску по золотникамъ, по аршину, а позументъ даже по вершкамъ, и смиренно благодаритъ Бога за сколоченный мѣдный рубль. Если онъ сколотитъ капиталецъ хоть во сто рублей, такъ отъ торгу и удержу нѣтъ: то на лошадку сбарышничаетъ, то муку и крупу, то шкурки бараньи везетъ въ городъ перепродать. А этого товара у него и дома бываетъ довольно, потому что всякій прихожанинъ одиннадцатую телѣгу съ поля завозитъ къ муллѣ на овинъ, благо у него на эту пору и ворота отперты.

Есть муллы, муллы-шарлатаны, добывающіе копѣйку лѣченіемъ отъ всѣхъ болѣзней однимъ средствомъ, которое, говорю навѣрное, не находится ни въ одномъ медицинскомъ руководствѣ, ни въ одномъ лѣчебникѣ и которое они составляютъ сами, потому что ни одна аптека не выдастъ подобнаго средства, — это нашоптываніе, или заговариваніе болѣзни святыми словесами корана. Способовъ два: или приходитъ мулла къ больному, садится возлѣ него и начинаетъ читать краткіе суры (*), а между чтеніемъ троекратно или дуетъ или плюетъ на больнаго. Послѣднее отвратительно и вы даже быть можетъ не повѣрите, и немудрено: я самъ до тѣхъ поръ не вѣрилъ, чтобы кто нибудь позволилъ плевать на себя, пока не убѣдился въ этомъ на дѣлѣ. Второй способъ заочный: муллѣ, прославившемуся своимъ нашоптываніемъ присылаютъ воду иногда даже за сто и болѣе верстъ, чтобы онъ прочелъ надъ нею или кое-что изъ корана, или же весь коранъ отъ доски до доски; конечно, на подобныя глупости всего болѣе способны люди зажиточные.

Иной мулла, почувствовавъ въ себѣ вдохновеніе къ сутяжничеству и ходатайству по дѣламъ, дѣлается куштаномъ (**), но для этого нужно прежде всего самому выдти изъ подъ двухъ-трехъ казусныхъ слѣдствій, познакомиться слегка съ судопроизводствомъ, а въ особенности съ судопроизводителями, однимъ словомъ, надо быть,

---

(*) Коранъ дѣлится на 114 суръ, или главъ.

(**) Куштанъ-бойкій, проворный, пронырливый. Слово это вкралось въ Казани въ русскій языкъ; тамъ каждаго пройдоху называютъ *«каштаномъ»*. Татарскіе куштаны, какъ духи, дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. Первые, это куштаны, держащіе сторону народа, словомъ душа общества и голова сходокъ. Вторые куштаны, шпіоны при земскихъ властяхъ. Есть куштаны въ торговлѣ — это наши маклеры, и куштаны-ходатаи по дѣламъ. Вообще куштанъ долженъ знать русскій языкъ и быть человѣкомъ не изъ застѣнчивыхъ.

какъ говорится, тертымъ калачемъ. Доходовъ муллы-куштана никто не знаетъ; всякій знаетъ только, что онъ богатъ и живетъ хорошо.

Кстати теперь замѣтить, что по законамъ нашимъ, мусульманское духовенство не составляетъ особеннаго сословія, а приписано или къ честному мѣщанству, или еще скромнѣе къ государственному крестьянству; слѣдовательно, у послѣдняго, о которомъ у насъ и рѣчь идетъ, есть свои повинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своя земля, которую оно, или сдаетъ какому либо баю, или же ему обработываютъ се добрые поселяне, — послѣднее случается, впрочемъ, рѣдко; для этого нужно сильно расположить къ себѣ все населеніе.

За то есть муллы смиренники, говорящіе всегда въ полголоса, глаза опуская долу. Жизнь ихъ однообразна и тиха. Народъ любитъ такихъ муллъ, и питаетъ къ нимъ большое уваженіе. Не думайте, чтобы это были ханжи; ничуть не бывало, это поэты, это люди вполнѣ чувствующіе свое положеніе и постоянно готовые па горячую и откровенную бесѣду.

Разъ свела судьба меня съ подобнымъ человѣкомъ и онъ мнѣ долго былъ даже противенъ съ своею набожностью и цитатами корана, которые пестрили его разговоръ. Онъ меня скорѣе попялъ, чѣмъ я его, и искалъ случая высказаться.

Онъ показалъ мнѣ свои труды. Это были стихи. О достоинствахъ слога его говорить здѣсь лишнее. Что же касается содержанія,—содержаніе было разнообразное: были посланія его невѣстѣ, были стихи на различныя эпохи жизни деревенской: на рекрутчину, на подати, сатиры па различныхъ муллъ, на волостнаго писаря и т. п.

Между прочимъ, онъ описалъ въ стихахъ всѣ тягости, которыя народъ терпитъ отъ ближайшихъ властей, начиная со становаго и ниже. Поэма эта, или какъ хотите назовите се, начинается тѣмъ, что онъ проситъ снисхожденія у читателя къ себѣ, потомъ сравниваетъ нашу жизнь съ нижегородской ярмаркой и доказываетъ старую истину: что посѣешь, то и пожнешь, или какъ у него выражено: «посѣявши ячмень, не соберешь пшеницы». Потомъ говоритъ, что мы въ этомъ мірѣ гости и всѣ умремъ:

«Будь ты бѣднякъ, или богатый,
А смерть для васъ равно одна,
Будь комендантомъ въ этомъ мірѣ,
Пусть всѣ солдаты чтутъ тебя.
Будь хоть министромъ, все равно,
Судьбой записанъ ты въ рэестръ,
Будь хоть султаномъ всей земли

И покори востокъ и западъ
Будь славенъ именемъ своимъ,
Все жь попадешь ты въ когти смерти
И такъ же, какъ и всѣ, умрешь».

«И потому», продолжаетъ онъ, «помни смертный свой удѣлъ, предъ судьбой мы всѣ равны».

«Быть можетъ судьба поставитъ тебя выше другихъ тебѣ подобныхъ, тогда старайся не давать власти жестокимъ тиранамъ (это онъ прямо мѣтитъ на становыхъ), потому что они, своими черными поступками, замараютъ передъ народомъ тебя, котораго народъ никогда не видалъ. Помни, что если собака укуситъ, то отвѣчаетъ за нее хозяинъ и вся брань сыплется на него, а не на собаку».

«Не забывай о смерти и, повѣрь, какъ она легка чистому и непорочному сердцу, и какъ тяжелы послѣднія минуты того, кто всю жизнь помнилъ только о себѣ».

За этимъ онъ переходитъ къ горестному положенію сельскаго сословія, высчитываетъ различныя неправды и притѣсненія, оговариваясь при этомъ, что всего пересказать нѣтъ силъ, и смѣлости.

Потомъ онъ молитъ Бога, чтобы все это какъ нибудь дошло до свѣдѣнія сенаторовъ, министра и государя:

«Ахъ, пишетъ онъ, если бы знали это все сенаторы, эти крылья государя, если бы узналъ министръ, рука государя, и самъ государь!»

«Тогда бы мы были счастливы, потому что онъ непремѣнно обвинилъ бы этихъ притеснителей нашихъ и снялъ бы съ насъ всѣ эти бѣды, эти несчастія, этотъ гнетъ!»

«Но», продолжалъ онъ, «вѣрно уже судьба намъ мусульманамъ всегда терпѣть, потому что и святой коранъ повелѣваетъ покорятся волѣ Бога, пророка и властямъ, кои отъ нихъ, безъ всякаго ропота».

Тѣмъ и оканчивается эта пѣснь.

Есть муллы — любопытные. Это существа очень тяжелыя для каждаго. Для человѣка болѣе его знающаго, онъ тяжелъ своей любознательностью, онъ его преслѣдуетъ вопросами, иногда даже черезъ-чуръ оригинальными. Человѣку, стоящему ниже его по образованію и познаніямъ, онъ надоѣдаетъ сообщеніемъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній. Это не педантъ; напротивъ, онъ готовъ сознаться передъ всякимъ встрѣчнымъ въ своемъ невѣжествѣ, но тотчасъ же готовъ и приступить или къ передачѣ всего того, что онъ знаетъ, или къ безконечнымъ вопросамъ о томъ, чтобы онъ желалъ узнать.

Подобный мулла очень, впрочемъ, рѣдокъ, какъ и мулла-ханжа, и поэтому заслуживалъ бы подробнаго разбора, но я не считаю себя способнымъ на описаніе этого типа, да я и не старался вглядываться въ него. Меня болѣе интересовали тетради его, гдѣ онъ записываетъ тщательно все то, что ему удастся услышать.

Въ одномъ изъ подобныхъ типовъ я нашелъ страсть къ географіи. У него цѣлая тетрадь исписана названіями государствъ и именами державныхъ особъ. Какъ составлены эти записки я привожу примѣръ: Напливанъ *яни Пеглеванъ* Банапаръ. Вотъ и переводъ этого слово въ слово: Наполеонъ, *то есть*, *богатыръ* Бонапарте. Меня онъ просилъ продиктовать ему названія всѣхъ столицъ и какую религію исповѣдуетъ каждое государство.

Другіе занимаются исторіей. Вы у нихъ непремѣнно найдете, кромѣ исторіи Аравіи, исторію Тимура Чингизхана, найдете исторію болгаръ и кое-какія записки изъ исторіи Россіи, отъ взятія Казани до Пугачева включительно. Конечно, все это переполнено вздоромъ.

Вы узнаете, что Казань сдалась русскимъ измѣною Хана ихъ Шейхали, который подмочилъ весь порохъ.

Или, что «въ тысяча-восемьдесятъ-девятомъ году появилась лучезарная звѣзда, блескъ которой въ продолженіе сорока сутокъ день ото дня увеличивался; восходила она съ запада, а заходила на востокъ и была трехъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго и краснаго. Народъ удивлялся и плакалъ, принимая ее за дурное предзнаменованіе. И старый и малый и мусульманинъ и невѣрный ясно видѣли эту звѣзду; а было это въ годъ обезьяны. Послѣ этого въ невѣрномъ русскомъ царствѣ начались различныя дурныя дѣла, то есть, всѣ невѣрные князья совѣтомъ положили поставить вездѣ караулы и всѣхъ завоеванныхъ мусульманъ обратить въ христіанство. И много мусульманъ отступилось отъ вѣры, много было притѣсненій: необходимость заставила защищаться и сражаться.... но конецъ концовъ Всемогущій Богъ по своей неизрѣченной милости наслалъ гибель на самихъ этихъ князей: явилась между ними неурядица и избили они другъ друга въ городѣ Москвѣ. А собравшій этотъ совѣтъ ханъ назывался Ѳедоромъ; и онъ то же по волѣ Всевышняго померъ въ молодыхъ лѣтахъ (*).

Петра Великаго называютъ добрымъ человѣкомъ, потому что онъ положилъ конецъ всѣмъ притѣсненіямъ, которыя до него претерпѣвалъ народъ башкирскій:

(*) Передаю слово въ слово изъ лѣтописи, служащей продолженіемъ исторіи Тимура и извѣстной всѣмъ оріенталистамъ по отрывкамъ напечатаннымъ Хальфинымъ.

«По волѣ Создателя, этотъ Петръ Алексѣевичъ, ханъ, на 56 году преставился, въ годъ зайца, изъ міра тлѣннаго въ міръ вѣчный. Тринадцати лѣтъ онъ возсѣлъ на престолъ и царствовалъ сорокъ три года».

Далѣе описывается съ нѣкоторыми подробностями царствованіе Анны Ивановны и потомъ даже упоминается объ Іоаннѣ Антоновичѣ:

«А въ 1152 году, въ годъ обезьяны, Иванъ Антонычъ вступилъ на престолъ; потомъ въ годъ курицы, тысяча-сто-пятьдесятъ-четвертомъ или пятьдесятъ-третьемъ году Елисаветъ «императъ» Петровна вступила на престолъ своего отца и своихъ московскихъ предковъ. Да поможетъ ей Господь быть правосудною къ своимъ подданнымъ. Но одинъ Богъ всевѣдущъ. Аминь». Этимъ оканчивается татарская лѣтопись, найденная мною у одного изъ описываемыхъ мною типовъ.

У одного муллы-историка я нашелъ стихи, неизвѣстно кѣмъ и когда сочиненные, которые носятъ названіе: пѣснь дочери Абдуллы-Ханна.

Эта царевна наивно оплакиваетъ положеніе города во время осады, она поетъ:

Царь Иванъ Падишахъ приказалъ палить изъ пушекъ и разрушилъ крѣпость Абдуллы. А потомъ съ радости велѣлъ бить въ барабаны. Я буду разсказывать, а вы слушайте меня.

Пушки палили съ обѣихъ сторонъ и попались въ бѣду и правые и виноватые.

Семеро попало въ плѣнъ, а трое изъ нихъ спаслось. Я буду разсказывать, а вы слушайте меня (*).

Далѣе она разсказываетъ о всеобщемъ горѣ, постигшемъ всѣхъ правовѣрныхъ, о томъ, что они пожелтѣли съ горя, а Абдулла-Падишахъ безпеченъ; что уже нигдѣ не слышно ни звона чашекъ, ни кипѣнія котловъ, что весь городъ въ оцѣпенѣніи, а Абдулла все-таки безпеченъ и т. д.

Мулла-историкъ самый несчастный человѣкъ: ему нѣтъ рѣшительно никакой возможности удовлетворить своей любознательности. Отъ кого онъ узнаетъ что нибудь новое? писарь ничего ему передать не можетъ, не смотря на то, что *умѣетъ* читать русскія книги. Ко властямъ съ подобнымъ вопросомъ обращаться не ловко; остаются одни помѣщики... Но какъ обратиться къ помѣщику, не страненъ ли покажется ему вопросъ, отвѣтитъ ли онъ, не разсердится ли? и т. д., все это сдерживаетъ несчастнаго, а какъ бы ему хотѣлось

(*) Это припѣвъ, который повторяется послѣ каждаго трехстишія.

знать, напримѣръ: давно ли русскіе живутъ на занимаемомъ ими теперь пространствѣ и откуда они пришли: изъ Сибири, или съ запада? или какъ широко простиралось царство Казанское и доходило ли оно, напримѣръ, хоть до французской земли? Некому удовлетворить любопытства муллы-историка и съ горя онъ собираетъ преданія и вѣритъ имъ болѣе, нежели другой печатному.

И вѣритъ онъ, что въ старину живали великаны семи саженъ ростомъ. Да и какъ не повѣрить, когда преданіе это подтверждается тѣмъ, что не далеко отъ деревни Ая-баши одинъ изъ такихъ великановъ отрясъ прахъ отъ лаптя и до сихъ поръ стоитъ тамъ на гладкой равнинѣ конусообразная горка саженъ полторы вышиною, образовавшаяся изъ этого праха! Каковъ же былъ послѣ этого самый лапоть?

Другой мулла-историкъ, слѣдственно собратъ по страсти, не вѣритъ ни въ такое происхожденіе горки, ни даже въ существованіе великановъ, несмотря на то, что ему приводятъ въ доказательство ихъ существованія мамонтову кость, найденную въ деревнѣ Айши. Споръ идетъ долго и кончается вмѣшательствомъ какой нибудь старой муллихи, которая своимъ дребезжащимъ басомъ вдругъ изъ-за занавѣски, какъ бы громъ съ неба, поразитъ и скептика и легковѣрнаго: голосъ этотъ съ дѣтскою наивностью разскажетъ имъ про эту горку исторію совершенно въ другомъ родѣ, что въ старину, дескать, молитвами какого нибудь святаго Абдуллы закрутило въ этой горѣ вихремъ нечистая джина (*), который и теперь часто по ночамъ показывается такимъ злымъ людямъ, какова была ея теща, въ видѣ человѣка тощаго-разпретощаго на лучинныхъ ножкахъ.

Съ открытіемъ памятника Державину на дворѣ казанскаго университета явился мулламъ-историкамъ новый неизчерпаемый источникъ для споровъ и ученыхъ розысканій. Длинные зимніе вечера посвящались спорамъ, безсонныя ночи проводились въ соображеніяхъ и предположеніяхъ. Результатъ всѣхъ споровъ о памятникѣ былъ таковъ: одинъ говорилъ, что онъ воздвигнутъ въ честь того татарскаго витязя, который убивши на своемъ вѣку и однимъ мечемъ до трехсотъ тысячъ русскихъ и не желая поддаться невѣрнымъ, кинулся въ пропасть не далеко отъ деревни Туркляръ. Другой возражалъ, и весьма резонно, что этого быть не можетъ, во первыхъ потому, что съ какой стати русскіе будутъ ставить памятникъ своему врагу; во вторыхъ же, — если бы и случилось такъ, то

(*) Духъ.

навѣрное посадили бы его въ чалмѣ, а на памятникѣ сидитъ какой-то лысый, но не бритый, какъ бы слѣдовало мусульманину, потому что на вискахъ и на затылкѣ остались еще волосы. Третій сильно отстаивалъ свое, что воздвигли, дескать, этотъ памятникъ одному русскому мирзѣ, который будто присланъ былъ въ Казань для построенія церквей и другихъ каменныхъ зданій, и что это онъ достовѣрно знаетъ отъ какого нибудь своего родственника Рахматулки, отставнаго солдата, служащаго въ самомъ университетѣ, и тѣмъ побѣждаетъ всѣхъ, потому что противъ такого авторитета возражать уже трудно.

Но какъ бы долго ни засидѣлся мулла съ гостями, рѣшая какой нибудь историческій вопросъ, онъ хорошо помнитъ, что завтра чуть свѣтъ ему надо идти на молитву. А муллы-поэты, историки и географы строго исполняютъ свою обязанность, чтобы не заслужить нарѣканія отъ своей паствы. Муллы-торгаши и муллы-куштаны, напротивъ, не боятся манкировать своей службой. Имъ не до того, ихъ занимаютъ барыши, или какое нибудь тяжебное дѣло. Они смѣются надъ тѣми муллами, называютъ ихъ «дуракларъ» (*), а сами и въ усъ не дуютъ, понюхиваютъ себѣ табачокъ, не отказываются отъ водочки, любятъ живую бесѣду и новыя знакомства, въ особенности съ русскими, и живутъ себѣ припѣваючи, карманъ набиваючи, совершенно забывая старую татарскую пословицу: устадыбызъ якша, а улыбызъ якши (**). Не проспитъ, такъ и онъ пойдетъ въ мечеть, а то и безъ него обойдется. Не даромъ же муэззинъ будетъ хлѣбъ ѣсть (***).

Вы никогда не бывали въ мечети и, конечно, васъ интересуетъ мусульманское богослуженіе? Удовлетворить любопытству, даже и въ Петербургѣ, очень легко, стоитъ только отправиться на Невскій проспектъ въ домъ Калугина, или къ Чернышеву мосту въ домъ Лыткина и спросить тамъ, гдѣ живетъ мулла, а въ квартирѣ муллы

(*) Дураки.

(**) Эту фразу услышите всегда, когда спросите: каково поживаютъ; вамъ отвѣчаютъ: слава Богу ладно живемъ. Мулла хорошъ и деревнѣ хорошо, или бай хорошъ и деревнѣ хорошо, смотря потому, кто пріобрѣлъ болѣе вліянія на населеніе.

(***) Муллу можетъ замѣнить въ мечети всякій, кто только въ состояніи прочитать намазъ. У мусульманъ нѣтъ никакихъ таинствъ, и поэтому нѣтъ посвященія въ духовное званіе. Но такъ какъ обязанность муллы состоитъ и въ обученіи дѣтей, смотрѣніи за нравственностью и соблюденіемъ обрядовъ, то отъ него требуется экзаменъ въ богословіи, догматикѣ, быть можетъ въ мусульманскомъ законовѣденіи и другихъ соприкасающихся наукахъ.

находится и мечеть. Совѣтую ѣхать въ пятницу; она у нихъ замѣняетъ наше воскресенье и еврейскую субботу, да кромѣ того въ пятницу вы можете выслушать иногда и проповѣдь на татарскомъ языкѣ. Натурально вы ничего не поймете, но для васъ покажется весьма неестественнымъ то, что мусульманскій проповѣдникъ поучаетъ свою паству, сидя на полу, ноги калачикомъ подъ себя. Въ деревнѣ проповѣди говорятся едва ли не рѣже, чѣмъ въ Петербургѣ; но за то, если вы попадетесь въ деревню, гдѣ ученый мулла, пожалуй, немножко поэтъ и историкъ, да гдѣ еще есть мактабъ, такъ тамъ, напротивъ, вамъ проповѣди надоѣдятъ.

Проповѣдь татарскаго муллы, по большей части состоитъ въ толкованіи какого нибудь кадиса (*) и оканчивается поученіемъ. Иногда, впрочемъ, проповѣдь сочиняется на текстъ, это въ казусныхъ случаяхъ, ради предстоящаго набора, сбора податей и проч. Мнѣ привелось слышать одну проповѣдь: привожу здѣсь отрывокъ, чтобы нѣсколько познакомить васъ съ татарскими проповѣдниками:

«Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны побитаго камнями! Во имя Бога всемилостиваго! Въ коранѣ Всевышній соизволилъ сказать: «я сотворилъ духовъ и человѣка для поклоненія мнѣ». Слѣдовательно, необходимо нужно постоянно заботиться о поклоненіи Господу Богу и не быть безпечнымъ о томъ, для чего собственно мы сотворены. Въ коранѣ же Всевышній говоритъ: о, вѣрующіе, повинуйтеся Богу, посланнику его и начальникамъ, кои изъ васъ, слѣдовательно, все что Творцу угодно было приказать, исполняйте, а что запретитъ, отъ того бѣгите. Творите пять разъ въ день намазъ, держите постъ, любите всѣ творенія Божіи. Не дѣлайте того, что убиваетъ здоровье ваше и ближнихъ вашихъ, не пейте вина и водки, не прелюбодѣйствуйте, не дѣлайте никому притѣсненій и нелгите.»

«Повинуйтесь посланнику Божію и не отступайтесь отъ его приказаній.»

И прочее. Въ заключеніе перечисляются всѣ члены царской фамиліи по формѣ, разсылаемой мулламъ отъ Уфимскаго Муфтія, на татарскомъ языкѣ.

Нѣкоторые муллы такія сочиняютъ проповѣди, что я думаю едва и сами понимаютъ ихъ, а про прихожанъ и говорить нечего. Особенно это водится за молодыми, незабывшими еще школы муллами, которые употребленіе арабскихъ и персидскихъ словъ принимаютъ за верхъ учености.

(*) Преданіе.

Но стоитъ иногда послушать другаго муллу не въ мечети, не во время проповѣди, а тогда, когда къ нему, какъ къ мусульманскому законовѣду, являются за рѣшеніемъ двѣ тяжущіяся стороны, боящіяся предать свою тяжбу въ руки земскаго правосудія. Стоитъ послушать муллу, когда онъ и силою убѣжденія и обаяніемъ краснорѣчія старается помирить стороны, увѣщеваетъ и ободряетъ павшаго духомъ бѣдняка. Конечно, мало тѣхъ избранныхъ, убѣжденія и вліяніе которыхъ ведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ, но въ той деревнѣ, гдѣ такой есть, населеніе гораздо нравственнѣе, меньше споровъ и тяжебъ, нежели тамъ, гдѣ мулла человѣкъ занятый или торговлею, или кляузничествомъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ мулла нравственный невѣжда. А между тѣмъ, одинаково прибѣгаютъ какъ къ одному, такъ и къ другому, только результатъ бываетъ не одинаковъ: первый кончитъ дѣло по домашнему, по человѣчески, второй научитъ обѣ стороны какъ начать тяжбу, куда подать прошеніе, самъ пожалуй и напишетъ и втянетъ въ раззореніе и бѣду обѣ стороны.

Вообще же мулла имѣетъ большое вліяніе на поселянъ, но для этого мало краснорѣчія, мало ума, нужна снаровка, тактъ, а главное хорошій примѣръ. При этомъ слово муллы — законъ. Какъ не послушаться человѣка, ничѣмъ не запятнаннаго, божьяго человѣка: онъ знаетъ законъ, живетъ по закону, какъ и слѣдуетъ истинному мусульманину, къ кому же и обратиться за совѣтомъ, какъ не къ этому, въ глазахъ ихъ, святому человѣку? Конечно, если его попросятъ писать жалобу, подобрать два-три крючка, рельефнѣе выдать какія нибудь, идущія къ дѣлу, обстоятельства, то онъ откажется и даже, пожалуй, покажетъ къ кому съ этимъ нужно обратиться, сперва впрочемъ употребивъ всѣ свои силы, чтобы отклонить васъ отъ подобнаго дѣла. За то передъ начальствомъ этотъ же самый мулла, имѣющій такое нравственное вліяніе на свою паству, владѣющій такимъ даромъ слова, совершенно пасъ, потому что онъ не знаетъ по-русски, боится говорить, чтобы не проговориться и не втянуться въ дѣло, словомъ власти онъ боится, послѣ муки вѣчной, больше всего.

На дѣла съ начальствомъ мастера муллы-куштаны, они на томъ стоятъ; это плоть и кровь ихъ, они этимъ дышутъ,—и деревня боится ихъ, угождаетъ имъ, работаетъ на нихъ, какъ на помѣщика, будучи въ полной увѣренности, что уже въ бѣдѣ неоставятъ: и прошенье сочинитъ и дѣло поведетъ, а пожалуй и выиграетъ, но во всякомъ случаѣ, все таки получитъ протори и убытки сполна. Начальство имъ ни почемъ. Они со всѣми близкими властями ведутъ хлѣбъ соль,

понюхиваютъ вмѣстѣ табакъ, попиваютъ водочку, напиваются, а подъ часъ напобратски и побранятся, для нихъ все ни по чемъ. Со становымъ не поладилъ,—ничего: у него въ городѣ есть засѣдатели, есть исправникъ, окружной, всѣ друзья и братья—нужные люди, да и онъ-то имъ человѣкъ не лишній. Слѣдствіе ли произвести: онъ подъ рукой все узнаетъ, втянуть ли кого въ дѣло,—лучше его никто не съумѣетъ, а при этомъ, сами знаете, «исправнику кубышка, окружному телушка, да и становому баранъ». Себя тоже онъ не забываетъ. Выпутать кого нибудь изъ бѣды онъ мастеръ: гдѣ по дружбѣ за понюшку табаку ему сдѣлаютъ, гдѣ красненькая, гдѣ буренькая .. а у самаго все таки въ мошнѣ двойные казенные проценты останутся. Не даромъ проценты эти и достаются ему; по правдѣ сказать, чтобы добывать ихъ, нужно пройти и огонь и воду нашего уѣзднаго крючкотворства и навѣрное всякій мулла-куштанъ впервые познакомился съ настоящими друзьями пріятелями по своему дѣлу, когда его самаго таскали по судамъ да по расправамъ, пока не вытащили послѣдней копѣйки. Надо же воротить какъ нибудь свои потовые денежки, и пошла писать у нашего муллы и кривда и правда по одной тропинкѣ, ему одному извѣстной....

Мы уже сказали, что у насъ муллы не составляютъ особаго сословія и всѣ принадлежатъ къ податному состоянію. Всѣ почти деревенскіе муллы или ясачные и лашманные татары, какъ я уже сказалъ выше. Но, не смотря на все это, они пользуются нѣкоторыми правами, данными имъ мусульманскими законами, многіе пользуются даже большимъ уваженіемъ и любовію всего населенія, смотря по личнымъ достоинствамъ. Вы не можете себѣ представить какъ мечтаютъ всѣ муллы получить хоть ничтожныя права, хоть освобожденіе отъ рекрутства; но напрасно, отъ рекрутства ихъ освобождаютъ только деньги на наемщика (*). Мнѣ кажется, что это равенство правъ нисколько не вредитъ обществу, а напротивъ отчасти даже приноситъ пользу тѣмъ, что будучи равенъ по закону, онъ старается возвысить себя нравственнымъ превосходствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно же его и вознаградить за то, что онъ кромѣ всѣхъ возложенныхъ на него подушныхъ, рекрутскихъ и земскихъ повинностой, обязанъ обучать все молодое въ своей деревнѣ и править должность

(*) Указанный мулла лично свободенъ отъ рекрутской повинности, но дѣти его, до полученія званія, получаютъ жеребьи, наровнѣ съ остальными; а такъ какъ, за неимѣніемъ вакансіи, иной шакирдъ живетъ въ училищѣ лѣтъ до тридцати пяти и болѣе, то часто случается, что, вмѣсто муллы, онъ уходитъ въ солдаты.

муллы; про доходы не говорите, — они рѣдко отвѣчаютъ труду, потому что не обязательны.

Если бы я описывалъ бытъ нашего священника, то конечно не было бы надобности упоминать о его женѣ, потому что она не имѣетъ прямаго вліянія ни на кого, кромѣ своего супруга, занимается хозяйствомъ, стряпней и зовутъ ее матушкой изъ уваженія къ батюшкѣ, или просто по примѣру предковъ. Но, описывая духовенство мусульманское, необходимо сказать и о женѣ муллы, какъ самомъ первомъ и вліятельномъ лицѣ въ женскомъ татарскомъ мірѣ.

Вы уже нѣсколько знакомы съ муллихой, по крайней мѣрѣ знаете, что она во время джіина пользуется одинаковою почестью съ своимъ супругомъ; знаете, что муллиха должна быть образована по мусульмански и что на ней лежитъ обязанность обученія дѣвочекъ своего прихода. Прибавлю къ этому, что во время родовъ на ея долю приходится тоже исполненіе духовной обязанности. Не это всѣ пустяки въ сравненіи съ ея ролью, которую она обязана выполнять каждую пятницу — ролью проповѣдницы, наставницы.

Каждую пятницу во время джумга намазы (пятничной молитвы въ полдень) калитка муллы проскрипитъ непремѣнно ужъ разъ тридцать — это minimum. При первомъ скрипѣ, выглядываетъ изъ окна одно только любопытное лицо муллихи, при второмъ — два и такъ далѣе, пока не наберется въ избѣ татарокъ штукъ до пятнадцати. Здѣсь уже скрыпъ нельзя услыхать, потому что пойдетъ такая трескотня и плескотня, что за нею пожалуй не услыхали бы даже полковой музыки.... колокольчикъ впрочемъ услыхали-бы и всѣ бы кинулись къ окнамъ и забору, чтобы увидѣть, кто это ѣдетъ, засѣдатель или становой.

Въ какіе нибудь четверть часа паства уже вдвое увеличивается и уста-бика, не принимавшая до сихъ поръ почти никакого участія въ разговорахъ, садится на нары, — начинается суетня, разговоры оставляются и каждая прихожанка подноситъ муллихѣ чашку крупы или муки; та принимаетъ, воздымаетъ руки горѣ и читаетъ вмѣстѣ съ нею молитву на тэму: всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Это продолжается добрыхъ полчаса,—впрочемъ смотря по числу пришедшихъ. Потомъ муллиха садится, придвигается поближе къ стѣнѣ, конечно ноги колачикомъ, ее окружаютъ знатныя міра сего, а остальныя садятся какъ ни попало, — все обращается въ слухъ, нѣкоторыя облокачиваются и, состроивши набожную физіономію, ждутъ начала, другія заранѣе зажимаютъ глаза, чтобы во время этой святой бесѣды, око не соблазнило ихъ. Наконецъ

раздастся обычное агузу билляги, (*) вотъ и начало проповѣди. Дребезжащимъ голосомъ читаетъ муллиха эпизодъ изъ жизни какого нибудь святаго по арабски, переводитъ это на татарскій языкъ и вздыхаетъ; или же читаетъ хадисъ о будущей жизни, объясняетъ съ увѣренностію очевидца всѣ наслажденія райской жизни и вкратцѣ научаетъ, какъ должно достигнуть ея. Вся бесѣда продолжается, по большей части, до двадцати минутъ не болѣе; но есть муллихи, особенно молоденькія, которыя бесѣду эту готовы вести отъ зари до зари; впрочемъ рвеніе ихъ обыкновенно ослабѣваетъ впослѣдствіи.

Если же муллихѣ не по силамъ эти бесѣды, она прибѣгаетъ къ хитрости, выдаетъ, напримѣръ, себя лекаркой и все это время убьетъ на исцѣленіе страждущихъ.... Способъ лѣченія одинъ—нашептываніе или надъ самимъ больнымъ, или надъ водою, которую больной пьетъ, или которою натираетъ больное мѣсто.

По окончаніи бесѣды обыкновенно творятъ молитву, встаютъ, каждая берется за свою чашку и всѣ подъ предводительствомъ муллихи идутъ въ амбаръ — опоражнивать ихъ, а потомъ и по домамъ.

Муллиха, какъ видите, имѣетъ возможность принести пользу обществу, все зависитъ отъ ея воли и образованія. Впрочемъ всего вѣрнѣе то, что всѣ эти бесѣды не ведутъ ни къ чему болѣе, какъ только къ поддержанію суевѣрія, потому что будь муллиха разумница и не примѣшивай суевѣрія, или опровергай его, тотчасъ слушателей уменьшится, а вмѣстѣ съ этимъ умепшатся и доходы, — статья важная.

Во всякомъ же случаѣ, жена муллы непремѣнно должна быть по мусульмански образована, иначе она и не попадетъ ему въ жены. Нравственность ея тоже должна служить примѣромъ для другихъ.

Впрочемъ если бы муллиха не въ состояніи была удовлетворить всѣмъ требованіямъ своего званія, то и это въ татарскомъ мірѣ исправимо. Законъ мухаммеда, какъ вы знаете, допускаетъ многоженство въ извѣстной степени; поэтому мулла, видя что жена его, по недостаткамъ своимъ, упускаетъ изъ подъ рукъ много дохода, пріискиваетъ другую, съ обязанностью дѣлится пополамъ, относительно прихода; право же на взаимность имѣетъ каждая одинаковое; или поне-

(*) Прибѣгаю къ Богу....

дѣльно каждая жена ухаживаетъ за муллою и пользуется его ласками или же поденно: другая же въ это время преимущественно посвящаетъ себя хозяйству. Ревность поэтому, кажется, недолжна бы имѣть здѣсь мѣста; однако же бываетъ всегда напротивъ, старшая жена первая начинаетъ коситься на свою соперницу и нашептывать про нее своему супругу, который находится постоянно между двумя огнями, потому что угодить обѣимъ никакъ нельзя. На этотъ случай есть даже и анекдотъ: одинъ богатый мусульманинъ имѣлъ двухъ женъ, — одну звали Айни-ждемаль (источникъ красоты) другую Айни-камель (источникъ совершенства) (*). Обѣ они были красавицы и умницы и вслѣдствіе этого обѣ были одинаково любимы. Мусульманинъ былъ богатый и подарками не одѣлялъ ни одну; не смотря на все это, онѣ ревновали другъ друга. Случись же на грѣхъ такъ, что обѣ онѣ померли въ одинъ часъ и даже въ одну минуту, чего на свѣтѣ не бываетъ,—чтобы не обидѣть покойницъ, искренно любившій ихъ вдовецъ приказалъ прорубить въ избѣ другія двери, чтобы вынести ихъ вмѣстѣ, а не одну за другой. Чтожь бы вы думали, въ первую же ночь является одна ихъ нихъ къ горько тоскующему мужу и начинаетъ сыпать упреки, за то, что онъ другую любилъ гораздо больше ея.

— Съ чего-же ты это взяла, спрашиваетъ несчастный, которому уже надоѣло слушать незаслуженные упреки:—кажется, я васъ обѣихъ одинаково любилъ и ни одну ни въ чемъ не одѣлялъ?

— Какъ съ чего, со слезами отвѣчаетъ покойница,—ты ее приказалъ вынести въ новыя двери, а меня въ старыя?

Анекдотъ этотъ вы услышите отъ всякаго татарина, имѣющаго болѣе одной жены, если поинтересуетесь узнать о согласіи между двумя половинками его сердца.

Впрочемъ рѣдкій мулла прибѣгаетъ къ многоженству, — это даже и между татарами не совсѣмъ-то уважается, развѣ ради обстоятельствъ: такъ иногда одному муллѣ приписываются въ приходъ два или три выселка, гдѣ еще нѣтъ мечети, тогда для удобнѣйшаго сбора законнаго дохода онъ беретъ другую жену и посляетъ ее въ тотъ высслокъ.

(*) Почти каждое мусульманское имя имѣетъ значеніе; особенной кудреватостью отличаются женскія имена. Вы можете дочь свою назвать какъ вамъ вздумается на арабскомъ или на персидскомъ языкѣ; назовите ее кипарисомъ красоты (Серви-джемаль) или ангельское лицо (Пери-руй) или просто плѣняющая сердце (Диль-афрузъ). Я зналъ одну дѣвушку, которую звали Пенджери, что въ переводѣ значитъ «окно».

Доходы большею частію, кромѣ гушуръ, т. е. десятины съ пашни (*) и закята (**), приходятся на долю праздниковъ курбана и гаета.

На курбанѣ мулла получаетъ бараньи и другія шкурки. Въ этотъ день всякій правовѣрный за счастіе считаетъ разыграть роль Аврама и собственноручно заколоть барашка, потому что этотъ день есть воспоминаніе жертвоприношенія Исмаила. Въ гаетъ же ему сыплются одни деньги, исключая подарковъ, отъ баевъ. Муллиха тоже не остается въ эти праздники съ пустыми руками.

Мѣсяцъ Рамазанъ посвящается посту. Постъ мусульманъ состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіи тридцати дней отъ восхода до заката солнца не брать въ ротъ ни крошки хлѣба, ни капли воды. Послѣ заката начинается за то ѣда съ геркулесовскимъ аппетитомъ. Трубы, начиная съ бѣдной лачуги до огромнаго дома бая, начинаютъ дымиться; вездѣ чувствуется запахъ снѣдомаго, кажется, даже и на улицѣ воздухъ пропитывается запахомъ вареной баранины. Въ подобныхъ удовольствіяхъ проводится сряду до тридцати почей. На двадцать седьмую или осьмую ночь, носящую названіе *кадаръ-кичаси* или *лейлятуль-кадръ* (ночь ниспосланія корана), любопытный замѣчаетъ большое движеніе и хлопоты въ избѣ муллы. Нѣсколько услужливыхъ татарокъ помогаютъ своей муллихѣ готовить блины, аладьи и шурпу (***). Хлѣбы давно уже испечены, дѣло остается только за кашей. Это муллиха празднуетъ ниспосланіе корана: подчуетъ все женское населеніе деревни, получаетъ за хлопоты посильное подаяніе и, въ заключеніе, передаетъ имъ легенду о томъ, какъ и какими судьбами Господь Богъ соблаговолилъ послать слово свое послѣднему изъ пророковъ.

Въ это же самое время мулла ведетъ рацею въ мечети на туже самую поэму.

Весьма многіе муллы послѣ таравиха невыходятъ изъ мечети до утра и всю ночь проводятъ въ бдѣніи и непрерывномъ чтеніи святаго слова. Муллиха несетъ ему туда кушанье и чай, потому что все таки, послѣ суточнаго голода, ни слово святое, ни воздухъ мечети не

(*) Каждый истинный мусульманинъ везетъ на дворъ муллы одиннадцатый возъ съ поля. Это впрочемъ оставляется на волѣ каждаго.

(**) «Магомеданскій законъ повелѣваетъ всякому давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, дабы чрезъ то очистить остальную часть имущества и снискать благословеніе Боже. (Перс. Хр. Болдырева Т. III стр. 204). Дать деньги муллѣ считается дѣломъ богоугоднымъ и всякому муллѣ милостыни подаютъ болѣе, нежели всѣмъ нищимъ деревни вмѣстѣ.

(***) Шурпа—супъ, бульонъ.

напитаютъ и жажды не утолятъ и для бодрости духа нужно подкрѣпить тѣло. Менѣе же набожные муллы проводятъ ночь эту, какъ и всѣ другія ночи, дома, съ женами, во снѣ, на пуховикахъ.

Слѣдующіе вечера проводятся въ томъ, чтобы отъискать на небѣ новую луну. Кто первый увидитъ, тотъ будетъ счастливъ на весь годъ, все ему будетъ удаваться, чтобы онъ ни предпринялъ. Увидѣвъ луну, спѣшатъ въ мечеть на молитву и завтра праздникъ-разговѣнье. Во время гаста случается стоитъ ненастье и луны за облаками не видно, тогда разговѣнье откладывается, потому что лучше опоздать, чѣмъ разговѣться раньше, — это точно также какъ у кадетъ, которымъ приказано, встрѣчая карету при военномъ лакѣе, если нельзя разсмотрѣть кто въ ней сидитъ, отдавать честь, чтобъ даже невинно не остаться неисполнителемъ формы. Иногда въ одной деревнѣ уже разговѣлись, а въ другой по ненастью еще ждутъ день и даже два, все зависитъ отъ того, до какой степени мулла ханжа.

Праздникъ этотъ проводится такъ же, какъ я описалъ празднованіе джіина, съ тою разницею, что нѣтъ игръ въ полѣ; а все веселится въ избахъ и на улицѣ. Муллѣ съ женою предстоитъ такая-же работа желудкомъ и собираніе денегъ, ѣда переходитъ часто въ пьянство и на другой день празднуется уже похмѣлье. Конечно, пьянство рѣдко выходитъ наружу, а во многихъ деревняхъ совершенно не употребляются ни пиво, ни водка, — все зависитъ отъ вліянія муллы и обстоятельствъ мѣстныхъ: близости базара, русскихъ селеній и фабрикъ. Разумѣется, что вы не найдете пьянаго въ деревнѣ, гдѣ мулла ишàнъ, потому что ни одинъ истинный мусульманинъ не рѣшится осквернить резиденцію ишàна запахóмъ запрещеннаго напитка.

Личность ишàна весьма интересна и играетъ не послѣднюю роль въ татарскомъ мірѣ. Онъ соотвѣтствуетъ, кажется, отчасти нашимъ затворникамъ (*): къ нему постоянно пріѣзжаютъ со всѣхъ концовъ

(*) Старообрядцы деревни Б. Казанскаго уѣзда тоже знаютъ слово ишàнъ.

«Ишàнь-значитъ Божій человѣкъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, панемъ, то есть, почиваетъ благодать Богова. Ему всяка тварь, не токма что человѣкъ, покаряется. Чудесы его велшкія, уму не постижимыя. Жизнь его вольная: не вьетъ онъ себѣ гнѣзда, неприпасаетъ хлѣбушка,—это, молъ, суета,—не пецытеся объ утріе. Одёжа его убогая—ни грѣетъ, ни холодитъ и не боится онъ ни стужи, ни простуды. На людъ не глядитъ, бѣжитъ люду, а онъ самъ все къ нему да къ нему собирается, потому какъ онъ Божій человѣкъ есть, сирѣчь ишàнь. Устами его глаголетъ Богъ и по этому не всякъ грѣшный доступенъ словеса его уразумѣть.»

мусульмане съ богатою милостынею и просятъ его молитвы за нихъ съ твердою вѣрою, что Богъ все дѣлаетъ, что только ни попроситъ его ишанъ. Но у насъ затворники и вообще подобныя лица сами достигаютъ святости, а у мусульманъ какъ-то передается отъ отца сыну, или, если у него только дочь, то зятю, если же бездѣтенъ, то одному изъ его шакирдовъ, такъ что если перебирать эти переходы ишанства восходящей линіи, то дойдемъ до одного изъ асбабовъ (*) самаго мухаммеда.

Мнѣ привелось быть знакомымъ съ троими ишанами. Всѣ они оказались людьми очень начитанными, серьезными и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ласковыми и гостепріимными, не смотря на то, что я кяфиръ (**). Но я, по причинѣ короткаго времени, которое провелъ съ ними, ничего подробнаго о ихъ жизни сказать не могу. Я обращался съ вопросами ко многимъ другимъ мулламъ на счетъ ишановъ, но они не могли удовлетворить любопытству: нѣкоторые говорили, что это не совсѣмъ святой еще человѣкъ, но что его слѣдуетъ уважать, потому что ишанами вѣра держится; другіе — что всѣ ишаны «подлецъ-ларъ» и «мошенникъ-ларъ» и незаслуживаютъ ни вниманія, ни уваженія (***).

Къ несчастію, не могу навѣрное сказать ни pro ни contra, однако кажется, что послѣднее мнѣніе о нихъ черезъ-чуръ строго. Ишанъ уже оправдывается и тѣмъ въ глазахъ нашихъ, что рамка его понятій очень тѣсна, потому что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ вращался въ средѣ весьма невѣжественной и суевѣрной; другое дѣло еслибъ кто нибудь изъ татаръ образованныхъ въ университетѣ принялъ на себя ишанство, — это бы было забавно и онъ былъ бы уже кругомъ виноватъ!

Я знаю одного муллу въ Тетюшскомъ уѣздѣ, который когда-то слылъ ишаномъ, но, чувствуя въ себѣ мало силы исполнять всѣ обязанности, сложилъ съ себя эту благодать. Каждый ишанъ имѣетъ при себѣ мадрасу, съ бо́льшимъ противъ другимъ числомъ учениковъ, которые стараются подражать своему учителю во всемъ, даже въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, каждый ишанъ имѣетъ свою какую нибудь особенность, произшедшую въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ: одинъ носитъ на себѣ по возможности все бѣлое или зеленое,

---

(*) Асбабами называются первые послѣдователи Мухаммеда и первые распространители его религіи.

(**) Невѣрный.

(***) Ларъ—окончаніе множеств. числа.

начинал съ тибитейки на головѣ до ичиговъ изъ бѣлаго сафьяна; другой-все полушелковое (*) даже до чалмы, и всѣ шакирды слѣдуютъ его модѣ; исполнять прихоти эти помогаетъ имъ опъ самъ. Вообще нужно замѣтить, что шакирды ишàна ни въ чемъ не терпятъ нужды, какъ это часто случается въ другихъ училищахъ, но за то они связываютъ себя исполненіемъ всевозможныхъ обрядовъ и выходятъ съ полнымъ лабиринтомъ познаній, часто совершенно безполезныхъ.

Жизнь ишàна тяжела, скучна, однообразна. Намазъ и училище его прямыя обязанности. Дома пріемъ приношеній, чтеніе корапа и и пустые разговоры о суетѣ, о развратѣ міра и тому под. По этому, затянутый въ эти однообразныя занятія, онъ ничего кромѣ ихъ не знаетъ; сплетни и новости его не интересуютъ, развѣ случится гдѣ нибудь въ татарской деревнѣ пожаръ и вѣсть о немъ дойдетъ до его ушей, то запрягается лошадка (если несчастіе случилось близко) и ѣдетъ онъ самъ утѣшать погорѣвшихъ словами и помогать по возможности деньгами. А молитва ишàна сильно ободряетъ, упавшихъ духомъ, погорѣвшихъ.

Еще есть обстоятельство, разнообразящее нѣсколько бытъ ишама: это стараніе укрѣплять въ вѣрѣ такъ называемыхъ новокрещенцевъ, то есть татаръ, предки которыхъ были крещены еще въ прошедшемъ столѣтіи, а сами они хотя и православные, по, живя между мусульманами, не знаютъ ни одной молитвы, ни одного догмата и обряда. О нихъ забыли и вспоминаютъ только во время ревизій, или тогда, когда исправнику или становому приходится сдавать должность, поэтому они до сихъ поръ исповѣдуютъ въ тихомолку мухаммеданство, исключая тѣхъ деревень, гдѣ есть церкви. Ишàнъ наивно проповѣдуетъ исламъ новокрещенцамъ-черемисамъ и вотякамъ, нисколько не подозрѣвая, что у насъ безусловно воспрещено мусульманское миссіонерство. Одинъ изъ ишановъ велъ даже формальное дѣло объ обращеніи въ исламъ двадцати семействъ вотяковъ язычниковъ и о переселеніи ихъ въ его деревню. Когда ему сказали, что онъ преступникъ передъ закономъ и накликаетъ только бѣду на свою старую голову, такъ онъ до того испугался, что захворалъ и умеръ.

Вообще же ишанъ существо самое безвредное, даже пожалуй полезное, потому что онъ по возможности, вмѣстѣ съ предразсудками,

---

(*) Шелковое платье татары никогда не носятъ, потому что это будетъ лишнее, а все лишнее грѣшно; въ раю ихъ ожидаетъ невообразимая роскошь и шелковые наряды съ тѣмъ, чтобы они были воздержны здѣсь на землѣ.

передастъ окружающимъ его и правила нравственности. Наконецъ, и примѣръ его безукоризненной жизни благодѣтельно дѣйствуетъ на простое населеніе.

При ишанѣ безотлучно находится его халифа (*), который, по его смерти, занимаетъ его мѣсто и вступаетъ въ его права получать приношенія. Съ близкимъ начальствомъ ишаны знакомы и дѣлаютъ каждогодно большіе подарки.

Послѣ смерти ишана, новому продолжаютъ дѣлать приношенія, а стараго причисляютъ къ лику святыхъ.

У мусульманъ память святыхъ (авлія) уважается. Мнѣ случалось видѣть у нѣкоторыхъ муллъ тетради, въ которыхъ были записаны мѣста могилъ различныхъ святыхъ, между которыми были и скончавшіеся еще во время самостоятельности болгаръ. Многія могилы, конечно, уже затерялись, да и въ описаніи-то онѣ не точно показаны, такъ напримѣръ: «на правомъ берегу рѣки Черемшана между такимъ-то и такимъ-то селеніемъ, на такой-то горѣ, подъ сосною похороненъ святой такой-то» и ищутъ набожные могилы, какъ будто имъ мало еще тѣхъ, которыя подъ носомъ находятся.

Муллѣ, на полѣ котораго находится могила святаго — новый доходъ. Лѣтъ пять тому назадъ былъ споръ между двоими муллами о томъ, кому принадлежитъ могила одного святаго: могила эта приходилась какъ разъ на межѣ двухъ полей сосѣднихъ селеній. Споръ этотъ былъ рѣшенъ, — конечно, не начальствомъ, — въ пользу того, на сторону котораго глядѣла надгробная надпись (**), однако и до сихъ поръ оба муллы ѣздятъ, съ пріѣхавшими на зіяретъ (***), на могилу, читать коранъ.

Между зажиточными татарами есть много ханжей, имѣющихъ обыкновеніе разъѣзжать по могиламъ; нѣкоторые, быть можетъ, дѣлаютъ это и съ умилепнымъ сердцемъ, а большинство — не думаю. По крайней мѣрѣ, я знаю, что во время рамазана мѣсяца мно-

---

(*) Намѣстникъ.

(**) Намогильныя камни, встрѣчающіеся по Казанской губерніи, по бо́льшей части бываютъ аршина два вышиною, аршинъ шириною, въ полъаршина толщины и оканчиваются заостреннымъ верхомъ. На одной сторонѣ вы встрѣтите выпуклые письмена: сперва какой нибудь текстъ, большею частію *«всякій вкуситъ смерть»*, потомъ годъ, мѣсяцъ, число и даже иногда день кончины такого-то; «да помилуетъ его Богъ». На боку тоже иногда встрѣчаются разныя цитаты изъ корана.

(***) Зіяретъ — поклоненіе святымъ; отъ этого и кладбище называется у татаръ зіяретомъ.

гіе, не желающіе держать поста, отправляются на зіяретъ, собственно потому, что въ пути мусульманинъ разрѣшается отъ поста, не беря грѣха на душу. Зіяретъ состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ прочтеніи кое чего изъ корана на могилѣ усопшаго. Казанскаго, кажется, уѣзда, въ помѣщичьемъ селеніи Хотнѣ, въ саду, находится прекрасное озеро, поддерживаемое безчисленными родниками, окаймляющими его берега. Одинъ изъ этихъ родниковъ находится въ гротѣ, дно его красиво выложено камнями и передъ этимъ гротомъ вы непремѣнно встрѣтите татарку, или татарина, сидящихъ на корточкахъ и творящихъ молитву, потому что этотъ родникъ, какъ они говорятъ, бьетъ изъ могилы какого-то святаго, имя котораго даже неизвѣстно.

Прежде, какъ я слышалъ, было огромное стеченіе къ этой мнимой могилѣ, такъ что предусмотрительные хозяева сада при входѣ прибили доску съ инструкціей на татарскомъ языкѣ, что всякій имѣетъ входъ свободный съ условіемъ, чтобы ходить по дорожкамъ, травы не мять, цвѣтовъ не рвать и т. д. Въ настоящее же время доходъ съ могилы, по словамъ муллы близь лежащаго татарскаго селенія, которому дано право приходить съ пилигримами на зіяретъ, не достигаетъ даже и двадцати пяти рублей въ годъ.

Кстати, я встрѣтилъ въ домѣ владѣльцевъ с. Хотни, въ которомъ я имѣлъ удовольствіе пробыть нѣсколько дней, одного муллу, составляющаго особенный типъ. Съ татарами онъ былъ и ханжа и фанатикъ, съ русскими пилъ вмѣстѣ водку и ѣлъ говядину русскаго колотья (*), нюхалъ табакъ, пѣлъ пѣсни и готовъ былъ не только проплясать, но даже простоять на носу, еслибъ только это было дѣломъ не совсѣмъ невозможнымъ, изъ угожденія кому нибудь изъ членовъ этого прекраснаго семейства, которое онъ любилъ всею душою и уважалъ до раболѣпія. Онъ прекрасно пѣлъ фистулою «тучи черныя» и нѣсколько татарскихъ пѣсенъ въ какое угодно время, чтобы исполнить желаніе тѣхъ, которыхъ онъ уважалъ, не упуская, впрочемъ, изъ виду, что за потѣху имѣетъ право получить рюмку водки и приличную закуску. Подобныхъ муллъ можно встрѣтить вблизи уѣздныхъ городовъ и помѣщичьихъ усадебъ и вообще тамъ, гдѣ въ сосѣдствѣ находится много русскихъ селъ и деревень, или же гдѣ пролегаетъ большая торговая дорога.

(*) У мусульманъ запрещено ѣсть мясо животнаго заколотаго во имя другаго бога. См. Сура корана, которая вся посвящена кушанью и называется *сура-туль-маида*, то есть, сура о трапезѣ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я старался только обрисовать, на сколько могъ, тѣ личности деревенскихъ муллъ, которыя заслуживаютъ хоть малѣйшаго вниманія; остальныхъ же можно подраздѣлить на двѣ категоріи: на плутоватыхъ и на сонныхъ, ничего недѣлающихъ, которые по большинству своему служатъ представителями этой націи, духовно успувшей, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, сномъ вѣчнымъ.

И. А. ШИНО.

ВОЛЖСКІЕ ТАТАРЫ.

III.

ДЕРЕВНЯ АКБУДАЕВО И РИЗВАНЪ-БАЙ.

(Изъ путевыхъ записокъ по волжскимъ губерніямъ).

Вечерѣло, когда я, протрясшись до семидесяти верстъ по осенней кочковатой дорогѣ, несмотря на удобный экипажъ, подъѣзжалъ къ деревнѣ Акбудаевой, въ которой прожилъ, года два тому назадъ, цѣлое лѣто, и гдѣ мнѣ все, отъ индѣйскаго пѣтуха Ризванъ-бая, до грязной свиньи кузнеца Ермолая, бывшей постоянною причиною вѣчныхъ непріятностей между нимъ и татарами, было коротко знакомо.

«Анà Акбудаи» (*), сказалъ ямщикъ, указавъ налѣво отъ дороги, и дѣйствительно мнѣ представилось все Акбудаево какъ на ладони. Вонъ деревянная мечеть съ развалившимся еще болѣе прежняго минаретомъ, налѣво отъ нея домъ муллы, а рядомъ мактабъ; вонъ домъ Ризвана, а на другомъ концѣ деревни на горкѣ виднѣлась черная пречерпая кузница Ермолая и домикъ возлѣ кузницы, гдѣ живетъ онъ со своею женою Марьею и троими ребятишками, говорящими по татарски съ пеленокъ.

Мы спускаемся подъ горку, на склонѣ которой, по правую руку отъ дороги, стоитъ высокій густой лѣсъ на огороженномъ рѣшот-

(*) Вотъ Акбудаево.

кою пространствѣ, это Акбудаевское кладбище (*). Каждое дерево широко пустило свои вѣтви: должно быть хорошо ему расти на почвѣ, питаемой тѣлами покойниковъ. На рѣшеткѣ у калитки сидятъ двѣ бѣлыя кошки, постоянныя посѣтительницы зіяретовъ(**), нарушающія могильную тишину своими любовными куплетами. А вотъ и околица; за околицей по срединѣ улицы толпа взрослыхъ татаръ съ крикомъ и хохотомъ катаютъ шаръ длинными палками. Мы подъѣхали и остановились у воротъ, ямщикъ сдѣлалъ движеніе слѣзть съ козелъ, чтобы отпереть ворота, какъ они сами, сперва порывисто, потомъ протяжно заскрыпѣли на березовыхъ пятникахъ: штукъ до пяти ребятишекъ и дѣвчонокъ общими силами толкали ихъ; совершивши подвигъ, они безцеремонно уставили свои карые любопытные глазенки на проѣзжавшаго. Это не былъ взоръ, просящій милостыни, не было слышно заунывной просьбы «копѣечки Христа ради», какъ часто случается встрѣтить при въѣздѣ въ русскую деревню; напротивъ, осмотрѣвши медленно двигающійся экипажъ и меня, они закричали «урусъ, урусъ, писарь, писарь!» и всѣ прильнули къ задку тарантаса.

Колокольчикъ мой взволновалъ, какъ я узналъ послѣ, всю деревню, потому что ждали засѣдателя по одному уголовному дѣлу, начавшемуся лѣтъ семь уже тому назадъ.

Въ каждое окошко выглядывало по любопытной головѣ, изъ-за забора показывались физіономіи хозяекъ, которыя, для удовлетворенія любопытства, оставили даже свои очаги съ варившимся кушаньемъ, что я могъ заключить по тому, что надъ каждой избушкой растилалась струя выставшаго изъ трубы дыма. Парни, игравшіе въ шаръ, подкатили его къ забору и смирно стали къ сторонкѣ, опершись на огромныя дубины; только одинъ изъ нихъ съ болѣе опрятной физіономіей, съ какой-то дикой развязностью, поднялъ комокъ замерзлой земли и пустилъ въ ноги правому пристяжному,—это былъ сынъ Ризванъ-бая, Ахмедъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Я узналъ его и поманилъ къ себѣ рукою. Онъ не узналъ меня, испугался и быстро спрятался въ среду своихъ товарищей. Вмѣсто его, подошелъ выборный съ палочкою. Экипажъ остановился.

— Эссалямъ алейкумъ, сказалъ онъ по татарски, обращаясь къ кучеру: — это новый засѣдатель что ли?

— Богъ его знаетъ, кажется засѣдатель.

(*) Обычай на могилѣ покойника садить деревцо превратилъ кладбища старыхъ татарскихъ деревень въ густыя рощи.

(**) Кладбище.

И въ полминуты выборный стоялъ уже передо мной безъ шапки и ждалъ приказаній. Я ему объяснилъ, что онъ мнѣ вовсе не нуженъ, что я зову не его, а Ахмеда, къ отцу котораго ѣду съ гости. Выборный надѣлъ шапку, болтнулъ что то скороговоркой молодому баю, и когда я, посадивъ Ахмеда съ собою, тронулся съ мѣста, ударилъ, ни за что, ни про что, вдоль спины ребятишекъ, облѣпившихъ весь задокъ экипажа. Нѣсколько изъ нихъ, которымъ ударъ пришелся почувствительнѣе, соскочили съ крикомъ и воплемъ.

Экипажъ пошелъ юлить то направо, то налѣво по кривымъ татарскимъ улицамъ. Деревня Акбудаева построена не по плану, на улицу выходятъ только заборы и вороты съ большими навѣсами, или плетни, за которыми во дворѣ виднѣлись ветхія лачуги бѣднѣйшихъ обитателей.

Впереди была тишина, сзади долетали еще хохотъ, крикъ парней и пискъ ребятишекъ, — выбѣжали было двѣ собаки, но и тѣ почему-то не вздумали долго сопутствовать намъ и отстали. Акбудаево очень большая деревня съ тремя мечетями и тянется по ложбинѣ по крайней мѣрѣ на полторы версты. Домъ Ризвана былъ почти на противоположномъ концѣ, возлѣ старой мечети, поэтому я, во время медленнаго передвиженія экипажа изъ закоулка въ закоулокъ, успѣлъ переспросить Шаги Ахмеда обо всѣхъ и обо всемъ. Я узналъ, что отецъ его здоровъ, даже постоянная одышка прошла отъ мятныхъ капель, что къ нему пріѣхалъ изъ Троицкаго сынъ Сераджи (*) съ дорогими подарками и больной женой, что теперь у отца гости, между ними два, три русскихъ, ожидающихъ пріѣзда засѣдателя за справками по уголовному дѣлу «о неизвѣстно кѣмъ убитомъ неизвѣстномъ человѣкѣ». Мы проѣхали уже мадрасу, построенную иждивеніемъ Ризвана, миновали развалившуюся мечеть, двѣ-три группы брадатыхъ татаръ, говорящихъ о чемъ-то довольно важномъ, что можно было заключить по опущеннымъ на груди головамъ и по рукамъ, которыми они медленно разводили по воздуху. Видны уже и другія ворота деревни съ караулкою, построенною изъ жердей неизвѣстно для какой цѣли, за воротами налѣво кузница и избушка Ермолая, а дальше поле. Недоѣзжая саженъ сто до околицы, на правой рукѣ стоитъ домъ Ризванъ-бая. Дома-то собственно невидно, а на улицу выходитъ плотный заборъ и громадныя ворота съ двумя калитками по бокамъ. Одна изъ нихъ никогда не отпиралась и у нея придѣлана лавочка для сидѣнья, другая была задвинута запоромъ. Колокольчикъ нашъ услышали въ домѣ Ризвана всѣ до цѣп-

(*) Сераджи, — сокращенное изъ Сераджеддинъ, что въ переводѣ значитъ свѣтильникъ, фонарь вѣры.

ной собаки и всѣ удивились незнакомому колокольчику. Ахмедъ соскочилъ съ тарантаса и сталъ стучать кольцомъ калитки. Два-три голоса послышалось на дворѣ и одинъ, не отпирая калитки, спросилъ насъ, кто мы и кого намъ нужно. Получивши въ отвѣтъ приказаніе Ахмеда скорѣй отпирать, онъ стукнулъ запоромъ, вернулъ кольцомъ и калитка отворилась. Это былъ работникъ, косой, флегматикъ, — Бикчентай. Узнавши меня, онъ даже не успѣлъ поздороваться и побѣжалъ поскорѣе назадъ отпирать ворота экипажу. Я съ Ахмедомъ вошелъ въ комнатку. Въ окнахъ свѣтились огоньки; изъ оконъ правой пристройки показались двѣ женскія тѣни, — налѣво высунулся самъ Ризванъ изъ окошка и сиплымъ голосомъ спросилъ:

— Кимъ баръ? (*) Ахмедъ отвѣчалъ, что ведетъ гостя; я не подалъ голоса. Мы подошли сперва къ одному крылечку—заперто, къ другому—заперто, и наконецъ вошли въ третье, которое отперъ Сераджи, вышедшій на встрѣчу со свѣчой. Въ домѣ поднялась суетня, и когда я вошелъ въ сѣни, одна пожилая татарка чуть не сбила меня съ ногъ, неся самоваръ на женскую половину. Двери отперлись и въ нихъ нарисовалась вся фигура Ризвана съ сомнѣніемъ на лицѣ: улыбаться ли ему или выразить достодолжное почтеніе и преданность.

— Здорово, Ризванъ! давно не видались.

— Здравія желаемъ, отвѣчалъ онъ, протягивая по обыкновенію татаръ обѣ руки и давая дорогу въ комнату, но узнавши меня перемѣнилъ тотчасъ тонъ.

— Ахъ, старость, старость: совсѣмъ слѣпъ сталъ, вѣдь и не призналъ тебя! Здорово, здорово Ходжа (**). Ходи скорѣй въ избу, кричалъ онъ, толкая меня впередъ. Я вошелъ, а за мной и вся свита, то есть два Ризвановыхъ сына и работникъ Бикчентай съ моими вещами. Я вошелъ въ комнату, или, скорѣе, избу, убранную по татарски. Вошелъ я въ широкую дверь, обитую со стороны сѣней кошмою, а извнутри окрашенную въ бѣлую краску; направо огромная изразцовая печь, съ лежанкою или широкимъ карнизомъ, на немъ расположены два, три самовара, рядъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, нѣсколько чайныхъ ящиковъ съ уродливыми китайскими карикатурами и нѣсколько фунтовъ чая въ красной бумагѣ, лежащаго рядомъ съ десятью досками калмыцкаго или кирпичнаго чая. Налѣво въ углу около дверей прикрѣпленъ шкапикъ, изъ-за стеколъ котораго видны маленькія чайныя чашечки, не рѣдко саксонскаго фарфора, нѣсколько китайскихъ чашекъ различныхъ вели-

(*) Кто такой.

(**) Онъ звалъ меня всегда Хаджа, что значитъ въ переводѣ господинъ.

чинъ и рисунковъ, вставленныхъ одна въ другую, хрустальный стаканъ, дюжина симметрично висящихъ ложекъ и даже табакерка съ музыкою. Отъ шкапчика по лѣвой сторонѣ стоятъ одинъ на другомъ два сундука, кованные жестью и покрытые персидскимъ ковромъ, надъ ними виситъ зеркало величиною, вмѣстѣ съ рамою краснаго дерева, аршина въ полтора, по обѣимъ сторонамъ его висятъ полотенца съ красными широкими каймами по концамъ. По противуположной двери стѣнѣ тянется длинная лавка, шириною вплоть до сундуковъ, то есть аршина въ два, покрытая коврами. Направо отъ печи до стѣны—задернутый занавѣсъ изъ ситца. Прибавьте къ этому нѣсколько оконъ, нѣсколько исписанныхъ молитвами листовъ, налѣпленныхъ по стѣнамъ, двѣ полочки съ книгами подъ потолкомъ, и вы будете имѣть полное понятіе о татарской комнатѣ Разванъ-бая.

Домъ Ризвана состоялъ изъ четырехъ отдѣленій: изба, гдѣ жили жены, — у него ихъ двѣ, — комната, которую я вамъ описалъ, комната убранная по европейски и еще небольшая комната для береженія шубъ, лишняго платья, вещей и въ случаѣ нужды для ночлега гостей. Женская половина заставлена сундуками, пуховиками, и съ рѣзкимъ запахомъ бальзаминовъ, резеды и мускуса. Комната, убранная по европейски, обставлена кожанными диванами, двумя, тремя креслами и полдюжиной стульевъ сельской работы, есть шкапчикъ съ чайной посудой, зеркало съ полотенцами, изразцовая печь съ самоваромъ и подсвѣчниками; но за то передъ диваномъ столъ, на столѣ счеты, чернилица, перья и другая принадлежность дѣловой комнаты: это комната для пріема властей, — и за занавѣской широкая кровать съ клопами для засѣдателей, исправниковъ, становыхъ. Нижній этажъ занимаютъ работники и прислуга, состоящая нерѣдко изъ одной души женскаго пола. Тамъ же готовится и кушанье.

Ризванъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, но на видъ вы не дали бы ему и пятидесяти; физіономія его не имѣла никакой типичности, такъ что одѣньте его въ нѣмецкій костюмъ, онъ будетъ смотрѣть нѣмцемъ, въ русскую красную рубаху, плисовые шаровары, — онъ будетъ русскій; но бритая голова, покрытая тибитейкой, татарскій костюмъ и дурной выговоръ русскихъ словъ выдавали его. По-русски онъ понималъ рѣшительно все, говорилъ также безъ ошибокъ граматическихъ, но сильно грѣшилъ въ прононсѣ. Исторія его довольно любопытна. Отецъ его былъ бѣдный честныхъ правилъ мулла, и сына своего тоже готовилъ къ этой должности, но случай все перевернулъ по-своему. Когда Ризвану минуло пятнадцать лѣтъ, онъ узналъ, что до него близка очередь идти въ солдаты, — это его сильно поразило, нужно было спасаться; средствъ къ спасенію оказывалось три: первое, спѣшить въ Уфу на экзаменъ и

получить званіе муллы, второе — увернуться посредствомъ подарка, и третье, самое вѣрное, — представить наемщика. Но всѣ эти средства требовали денегъ, а ихъ взять негдѣ, слѣдовательно, надо быть солдатомъ. «Такдиръ!» (*) сказалъ бы другой и ждалъ бы со смиреннымъ духомъ того дня, когда скажутъ: лобъ. Но Ризванъ былъ не изъ такихъ, онъ сперва хотѣлъ попытать все и уже, увидѣвъ свое безсиліе, сказать въ отчаяніи — Такдиръ!

Дѣйствительно, онъ бросилъ книги, въ прямомъ смыслѣ этого слова, то есть продалъ всѣ находившіяся у него рукописи (**), и сколотилъ цѣлыхъ двѣсти рублей ассигнаціями. Потомъ заработалъ чтеніемъ корана надъ больными, и разными другими путями, рублей около пятидесяти, да еще призанялъ сто рублей и отправился на макарьевскую ярмарку торговать въ разносъ. Переносилъ тамъ всѣ возможныя лишенія, имѣя въ виду избавиться отъ солдатства, и къ концу ярмарки капиталъ его утроился. Отложивши на дорогу и на уплату своего долга, Ризванъ накупилъ ситцевъ, платковъ, тесемокъ, лентъ и подобныхъ товаровъ и возвратился къ себѣ въ деревню. Конечно, вы знаете, что у насъ по деревнямъ бываютъ тоже своего рода еженедѣльныя ярмарки или базары; на этихъ-то базарахъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню, съ базара на другой, онъ сбылъ весь товаръ съ большимъ барышемъ. Пятьсотъ рублей серебромъ для деревенскаго мужика порядочный капиталъ и, имѣя его, другой сталъ бы увлекаться, явилась бы своего рода самонадѣянность; но Ризванъ всегда имѣлъ въ виду условіе: «если избѣгну солдатства, тогда будетъ то и то и то, а пока....» и снова пріискивалъ средство добывать деньги.

Наконецъ и наборъ приспѣлъ, роздали жеребьи, захолонуло у Ризвана ретивое, томитъ. Почти до тысячи цѣлковыхъ въ мошнѣ, кажись есть возможность избавиться, а все томитъ. И наемщика пріискалъ Ризванъ, парень изъ себя здоровый, статный и беретъ не дорого, кажись бы надо успокоиться, а все томитъ. Одна старая татарка, извѣстная своими предсказаніями, успокоила его, что томитъ къ лучшему; но чтобы болѣе успокоиться, онъ пріискалъ невѣсту изъ хорошаго дома, выдалъ калымъ, получилъ хорошее приданое, насталъ медовый мѣсяцъ (***), а на душѣ все какъ-то непокойно, томитъ.

(*) Судьба, предопредѣленіе Божіе.

(**) Печатныхъ учебниковъ въ Мадрасахъ еще не имѣется.

(***) Медовый мѣсяцъ жена проводитъ въ домѣ родителей, а мужъ пріѣзжаетъ только ночевать. Если же невѣста одной деревни, онъ проводитъ съ нею цѣлые дни. Обычай этотъ стараются исполнять и самыя бѣднѣйшія четы.

У жены его Нафиги былъ въ числѣ родни одинъ старикъ Файзулла, извѣстный куштанъ. Видя, какъ человѣкъ убивается, онъ сталъ утѣшать Ризвана и даже предложилъ ему, чтобы еще болѣе успокоить бѣдняка, отпустить наемщика, потому, говорилъ онъ, что этотъ народъ не падежный, промотаетъ денежки да и тягу, или, что еще хуже, окажется негоднымъ въ службу: съ ними держи ухо востро; а лучше всего подарить, тутъ дѣло навѣрняка. Слушая такія рѣчи, Ризванъ дѣйствительно согласился, что лучше подарить, будетъ покойнѣе. На Файзуллу, слывшаго за опытнѣйшаго куштана, онъ полагался какъ на гору; расходъ тоже былъ ограниченнѣе, потому что Файзулла по родству и за труды не требовалъ. Дѣло обдумано и обсужено со всѣхъ сторонъ, наемщикъ отпущенъ и стало веселѣе на сердцѣ Ризвана. Прошелъ и медовый мѣсяцъ и еще недѣлька минула, Файзулла собрался въ городъ, у него тамъ были и другія порученія, — зоветъ Ризвана. Молодая Нафига заливается, какъ по покойникѣ, будто ужь на вѣкъ разстаются, у Ризвана ни слезинки: онъ шутилъ съ женой даже и садясь въ сани, — что вотъ, молъ, въ солдаты уйду! Лошади тронули, пронесли деревней; оглянулся Ризванъ назадъ, ничего не видать, только одинъ минаретъ торчитъ въ воздухѣ, — и какъ будто что-то лопнуло у него внутри, залился слезами. Файзулла началъ утѣшать, пустился въ резоны и конца бы не было его словамъ, если бы на эти утѣшительныя рѣчи не отвѣтилъ наконецъ Ризванъ: «теперь полегче стало». Онъ прекрасно зналъ, что дѣло его кончится отлично, что потомъ въ городѣ онъ накупитъ товара, подарковъ женѣ, себѣ бобровую шапку и будетъ жить припѣваючи. Отчего же онъ заплакалъ? Когда пріѣхали въ городъ, первымъ дѣломъ отправился онъ къ лѣкарю. Подарка лѣкарь и брать не хотѣлъ, а дѣло это хотѣлъ порѣшить такъ, ради стариннаго знакомства съ Файзуллой. Ризванъ занялся базаромъ, кое-что приторговалъ, кое къ чему прицѣнился и купилъ уже разныхъ бездѣлицъ для продажи въ деревнѣ; женѣ отослалъ грамотку съ вѣстью о скоромъ свиданіи, и былъ совершенно спокоенъ, когда въ роковой день увезли его въ рекрутское присутствіе.

Но не вывезло счастье Ризвану.... и лѣкарь не помогъ....

Черезъ пятнадцать лѣтъ Ризванъ Биктемировъ былъ уже кавалеромъ и фельдфебелемъ, на груди у него красовались двѣ медали за взятіе чего-то и георгіевскій крестъ. Отъ офицеровъ онъ былъ почтенъ названіемъ богатыря и они, обращаясь къ нему съ просьбою снабдить ихъ деньгами до третнаго жалованья, называли его Ризваномъ Биктемировичемъ. Солдатики почти всѣ любили его и звали не иначе, какъ Иванъ Митричъ. Какъ человѣкъ оборотливый, онъ

въ полку пускалъ деньги въ ростъ и посылалъ каждогодно женѣ въ деревню по сто рублей серебромъ. Родившійся послѣ него сынъ Сераджи былъ уже четырнадцати лѣтъ и, пріобрѣтя наслѣдственную способность къ торговлѣ, замѣнялъ въ деревнѣ отца. Биктемировъ выхлопоталъ чистую за ранами и, собравши должишки, прибылъ благополучно въ деревню, ко всеобщей радости родни. Первымъ дѣломъ, сына онъ отправилъ, съ однимъ казанскимъ купцомъ, въ Троицкъ въ прикащики, а самъ вступилъ во второй законный бракъ, что̀ очень огорчило Нафигу. Но что же дѣлать, она ему не понравилась послѣ пятнадцатилѣтней разлуки, лицо ея обрюзгло, цвѣтъ кожи сдѣлался желтымъ и она была молодая старуха. Вообще нужно замѣтить, что татарки очень скоро отцвѣтаютъ, и поэтому на Ризвана претендовать нельзя, если въ добавокъ къ отцвѣтшей Нафигѣ онъ взялъ шестнадцатилѣтнюю Зугру, дочь Мепнефъ-бая, жившаго въ сосѣдней деревнѣ; приданое ея присовокупилъ къ своему достоянію и прослылъ за бая. Одни звали его Ризванъ-бай, другіе солдатъ-бай.

Занимается онъ доставкою въ городъ сала, воска, конскихъ и коровьихъ шкуръ и мерлушекъ. Въ замѣнъ этого привозитъ въ деревню красный товаръ, чай, сахаръ, соль и предметы деревенской роскоши. Разъѣзжаетъ по деревенскимъ базарамъ закупать сало и воскъ, топитъ ихъ дома на заднемъ дворѣ, гдѣ устроенъ у него заводъ съ шестью котлами. Кромѣ того, у него есть своя кумачная фабрика въ пяти верстахъ отъ Акбудаева, приносящая по его словамъ самый ничтожный доходъ.

Онъ только-что воротился съ базара вмѣстѣ съ своими гостями, чтобы быть готовымъ принять слѣдователя и потому, значитъ, я пріѣхалъ не во-время. Несмотря на это, я былъ радушно принятъ, усаженъ на нарахъ (*); гости его присосѣдились тоже ко мнѣ. Сперва было какое-то молчаніе, наконецъ заговорилъ я, меня слушали тоже молча; но, когда появился самоваръ и было поставлено, быть можетъ въ этотъ день разъ десятый, по чашкѣ чаю передъ каждымъ гостемъ, разговоръ понемногу сдѣлался общимъ. Между гостями было двое русскихъ: одинъ бурмистръ изъ сосѣдняго барскаго села Лепехина, другой староста изъ старовѣрческой деревни Боляры, Иванъ Абрамычъ, мой старый знакомый.

Разговоръ вертѣлся около предстоящаго слѣдствія; дѣло было такого рода: нашли на Акбудаевскомъ полѣ, возлѣ дороги, мертваго человѣка въ русскомъ мужицкомъ костюмѣ. Недѣли двѣ онъ лежалъ

(*) Нары слово не татарское, но татарски *сяки*; эта широкая лавка, похожая на верстакъ портнаго, замѣняетъ татарину и стулъ, и столъ, и кровать.

въ полѣ, и къ нему приставляли по четыре человѣка караульныхъ, потомъ наѣхали власти, вскрыли покойника, оказалось «померъ отъ удара въ голову». Начальство приступило къ слѣдствію; во первыхъ, кто былъ убитый? собирали народъ изъ сосѣднихъ русскихъ селеній,—не признали. Кто убійца, — не оказалось, что впрочемъ и естественно. Начались допросы и слѣдствіе окончилось, благодареніе судьбѣ, ничѣмъ; но, чтобы сдать дѣло въ архивъ и предать волѣ Божіей, сочли необходимымъ собрать окончательное показаніе и очистить дѣло.

Въ продолженіе этого разговора всѣ выпили уже чашки по четыре чаю, опустошили блюдо съ аладьями (куимакъ) и нѣкоторые изъ умѣренныхъ опрокинули чашки, — это символическое выраженіе довольства и пресыщенія, — при чемъ Иванъ Абрамовичъ замѣтилъ, что опрокидывать чашку обыкновеніе скотоподобное, потому что только одна свинья, съѣвши мякину своимъ неблагочестивымъ рыломъ, опрокидываетъ корыто, а потому человѣку, твари разумной, сіе не подлежитъ.

Въ это время вбѣжалъ выборный и извѣстилъ о пріѣздѣ засѣдателя, всѣ засуетились. Татары заговорили по своему въ одинъ голосъ, такъ что нельзя было ничего разобрать, и потомъ все вывалилось за дверь вмѣстѣ съ Иваномъ Абрамычемъ и бурмистромъ.

Я остался одинъ; но не успѣло еще ухо мое привыкнуть къ тишинѣ, какъ снова вбѣжалъ въ избу Ризванъ съ однимъ изъ татаръ; они что-то долго шептались, зная, что я понимаю по татарски; наконецъ Ризванъ отперъ сундукъ, досталъ оттуда шкатулку съ деньгами, отобралъ небольшую пачку ассигнацій, сосчиталъ, показалъ другому, тотъ съ своей стороны вынулъ изъ-за пазухи платокъ аккуратно связанный, развертывалъ его долго и осторожно, наконецъ въ платкѣ оказался бумажникъ, изъ бумажника вынулъ, должно быть, деньги и сунулъ въ руку Ризвана, потомъ оба кинулись къ двери. Ризванъ на ходу извинился, что оставляетъ меня, другой татаринъ тоже въ дверяхъ сказалъ «*низбини поджалуста*» и дверь захлопнулась. Я снова остался одинъ, закурилъ папироску, прошелся раза два по избѣ, оглядѣлъ ее и глаза мои остановились на полкѣ съ книгами. Отъ нечего дѣлать, я хотѣлъ было посмотрѣть какую нибудь попавшуюся подъ руку книгу, всталъ на нары и началъ вытаскивать изъ средины одну книгу въ бухарскомъ переплетѣ.

— Тимя (*)! вдругъ кто-то крикнулъ изъ-за занавѣса.... Я испугался, какъ будто меня поймали на мѣстѣ преступленія, и быстро обернулся. За занавѣсомъ раздался смѣхъ.

(*) Не трогай.

— Кто тамъ? спросилъ я по татарски.

— Я.

— Да кто же ты? я по голосу узнать не могу, выйди сюда.

— Я Азизя, снова отвѣтилъ голосъ.

— Ахъ, это ты! Выйди же сюда, покажись. Ты, я думаю, очень похорошѣла въ эти два года? Ну, иди же сюда Азизя, повторилъ я, подходя къ занавѣсу.

— Не ходи сюда, вскричала она: — мнѣ пельзя выйдти.

— Почему же?

— Сераджи неравно прійдетъ, увидитъ.

— Полно, лжешь, что за дѣло до тебя Сераджи?

— Ей богу! Вѣдь онъ хочетъ жениться на мнѣ.

— А ты хочешь пойдти за него?

— Пойду.

— Значитъ онъ тебѣ нравится?

— Нѣтъ, не нравится, сказала она, и изъ занавѣса долетѣлъ до меня глубокій вздохъ: — да бабай (*) велитъ выходить. У Сераджи вѣдь жена умретъ скоро, я одна останусь. А ты привезъ мнѣ куштаначъ? (**) вдругъ спросила она.

У меня не было гостинца и мнѣ стало досадно, что я совсѣмъ забылъ о ней. Биби Азизя была круглая сирота и жила въ домѣ Ризвана, который ее очень любилъ, но за то жены его ее просто ненавидѣли и били безъ всякой причины, когда ссорились между собой. Эту угнетенную пятнадцати-лѣтнюю дѣвушку я прежде часто ласкалъ, покупалъ ей гостинцы, слушалъ ея наивные разсказы и любовался ея красотою. Съ тѣхъ поръ прошло два года, ей минуло семнадцать лѣтъ; пріѣхалъ Сераджи, существо самое антипатичное: маленькій носъ и огромные уши, голова съ широкимъ лбомъ, рѣдкая рыжая борода, брови и усы тоже рыжіе и рѣдкіе.... Желтая блѣдная физіономія съ карими глазами говорила о безграничномъ сладострастіи, улыбка имѣла много іезуитскаго, подленькаго. Онъ съ перваго раза произвелъ на меня невыгодное впечатлѣніе и меня ужасно поразило, когда я услышалъ, что эту угнетенную невинность, простодушную Азизю, отдаютъ ему въ кабалу, въ жены! Болѣзнь первой жены подозрительно бросилась мнѣ въ голову. Мнѣ жалко стало Азизю.

— У меня нѣтъ гостинца, сказалъ я тономъ такого сожалѣнія, какъ будто бы, давши гостинецъ, я могъ совершенно улучшить

(*) Дѣдушка.

(**) Куштаначъ — гостинецъ.

участь этой несчастной, какой она мнѣ рисовалась. У меня есть булякъ (*). Хочешь, подарю тебѣ розовый шелковый платочекъ?

— Не надо, не надо, Сераджи увидитъ. Если бы куштаначъ, я бы съѣла, онъ бы не увидалъ.

— Жаль, очень жаль, что нѣтъ у меня гостинца, сказалъ я подойдя къ занавѣсу. — Ну, поди же сюда, Азизя, дай хоть взглянуть на тебя.

Она отвѣчала смѣхомъ. Я отдернулъ занавѣсь и, о ужасъ!—тамъ стояла не та уже Азизя, какой я ее оставилъ, а блѣдная дѣвушка, которая была интересна, но уже отнюдь нехороша.

— Какъ ты перемѣнилась, невольно вырвалось у меня, когда она отняла широкій рукавъ своей рубахи отъ лица.

Она скрылась за печку и оттуда сказала сквозь зубы: — ступай, задерни занавѣску, Сераджи идетъ.

Только-что я успѣлъ это сдѣлать, какъ въ избу вошелъ Сераджи.

— Холодно на улицѣ-то, сказалъ онъ, снимая шапку и показывая видъ, что и его холодъ пробралъ.

Я молчалъ, не находя рѣшительно, что ему сказать на это.

— Вы одинъ тутъ сидите, снованачалъ онъ:—скучно больно. А мы всѣ у сидателя были. Ай, ай тонкій человѣкъ!

— Гдѣ же остановился засѣдатель? спросилъ я, болѣе для того, чтобы поддержать разговоръ.

— Сельской расправа остановился. У насъ не хотѣлъ.... тонкій больно человѣкъ.

Только хотѣлъ было я спросить, почему и въ какомъ отношеніи тонокъ новый засѣдатель, какъ въ это время за занавѣской забрячали цѣлковики на косѣ Азизи и выдали ее.

— Кто тамъ? спросилъ Сераджи.

— Я, едва слышно, сказала Азизя.

— Что тебѣ тутъ надо? пошла вонъ злосчастная (**), зарычалъ Сераджи.

Тотчасъ промелькнула какъ тѣнь Азизя и скрылась за дверью. У меня все перевернулось внутри отъ послѣдняго слова; но, чтобы не дать этого замѣтить, я спросилъ его, кто это такая? Сераджи назвалъ мнѣ ее, потомъ сталъ бранить Азизю, высчитывать ея пороки; но я уже не слушалъ: мнѣ ясно представилась картина притѣсненій этой *злосчастной* воспитанницы, которая за хлѣбъ отдала свою волю, свое будущее. Я повидимому слушалъ разсказни Сераджи о

(*) Подарокъ.

(**) Злосчастная — обыкновенная брань — бядбахытъ.

его жизни въ Троицкѣ, о выгодахъ тамошней торговли, о его больной женѣ, а самъ старался только разгадать непонятное положеніе дѣвушки, которая два года тому назадъ, пася утокъ и гусей на берегу пруда, часто разговаривала со мной, наивно смѣялась моимъ ошибкамъ въ языкѣ, которыя я старался чаще дѣлать для ея удовольствія, была весела и счастлива. Сераджи по прежнему сидѣлъ на краю лавки противъ меня, подогнувши одну ногу подъ себя, и съ жаромъ разсказывалъ мнѣ что-то уже страшное о чертяхъ, когда вошли въ избу Ризванъ и Иванъ Абрамовичъ.

— Ходжа, спать хочешь? сказалъ Ризванъ: — дайте-ко ужинать.

Сераджи вскочилъ и побѣжалъ, какъ покорный сынъ, давать приказанія объ ужинѣ, а мы усѣлись на нарахъ, оставя мѣсто для скатерти.

(Вы, быть можетъ, не знаете, что татары ѣдятъ на нарахъ или даже на полу, сидя полукружіемъ, поджавши подъ себя ноги, около кушанья, стоящаго у ихъ ногъ).

— Ну, каковъ вашъ новый засѣдатель? спросилъ я, потому что это было современнымъ вопросомъ деревни Акбудаевой.

— Жадный больно, отвѣчалъ Ризванъ, покачивая головою. Мы говоримъ ему: «ваше высокоблагородіе, благоволите приложеніе принять», сто рублей серебра, то есть, значитъ, отъ насъ половину, да по 25 съ соприкосновенныхъ къ дѣлу Лепехиной и Боляръ. Какъ крикпетъ: «да что, я развѣ за вашими сто рублями пріѣхалъ, я пріѣхалъ показанія отобрать!» Я и говорю ему: «Послушай, ваше благородіе, я тертый калачъ, въ военной службѣ былъ, кавалеромъ сталъ, значитъ, много видѣлъ. Мы, молъ, знаемъ, какія ваши показанія; хочешь стопятьдесятъ, а не то я и въ Новую Палату (*) поѣду, а ты ничего не получишь». «Да вы, кричитъ, за кого меня принимаете! Завтра же показанія буду отбирать, можетъ быть окажется нужнымъ преслѣдованіе произвести... Пошли вонъ!» Вышли мы, потолковали и порѣшили ублаготворить его. Вошелъ я къ нему, «хорошо говорю, двѣсти даемъ, только конецъ дай дѣлу». Ласковѣй сталъ. «Спасибо, спасибо», говоритъ, и водки-было мнѣ поднесъ: «выпей, служивый», говоритъ; — тонкій человѣкъ!

— А развѣ вы иногда и угрозой дѣйствуете?

— А какъ же, съ новымъ всегда угрозу пробуемъ. Ну, такъ вотъ отдали мы ему сегодня сотню, а о другой завтра міру сообщимъ, —

(*) Палата государственныхъ имуществъ до сихъ поръ еще татарами называется Новою Палатою.

не знаю, согласится ли, а видно придется дать. Да если бы, — всѣ деньги въ оборотъ пустилъ.

— Какъ это такъ? Зачѣмъ же ты свои дашь, когда слѣдуетъ съ міру?

— Ничего; міръ намъ отдастъ. Разложитъ па души и выплатитъ, кто деньгами, а кто провіантомъ или подводой. У насъ все такъ дѣлается.

— Доброе дѣло помочь міру,—значитъ, онъ вамъ долженъ быть очень обязанъ.

— Да. И мы ему тоже обязаны; выгода и намъ есть: гдѣ бы надо рубль заплатить, а должникъ за полтину сдѣластъ — впередъ, молъ, не оставь. Ай, ай, еслибы я только захотѣлъ, то очень бы богатъ сталъ, да не хочу, жаль народъ. За то онъ только насъ знаетъ, а мы все ужь передъ начальствомъ за него дѣлаемъ, въ обиду не дасмъ. Вопъ у нихъ такъ не по нашему, добавилъ Ризванъ, указывая на Ивана Абрамыча.

— У насъ все по старинному, на сходкѣ, началъ Ивапъ Абрамычъ, зѣвая и крестя ротъ. — И деньги міромъ платимъ, такъ ужь привыкли. Что же я завтра на сходу скажу: еще двадцать-пять! Ишь ты, скажутъ, больно жирно, — не дадимъ! Что тогда я буду дѣлать?

— Хошь, Иванъ Абрамычъ, мы за васъ заплатимъ, а ваши за насъ *фарфосъ* пускай справятъ, тамъ сочтемся.

— Пожалуй, скажу сходу, покачивая головой, отвѣчалъ Ивапъ Абрамычъ и повелъ разговоръ о прежнихъ временахъ. «Прежде вотъ, дѣды и прадѣды подъ татарвой жили», сказалъ онъ.

— Какъ подъ татарвой?

— А вы развѣ не знаете? Подъ татарвой. У насъ и въ книгахъ писано: отцы наши ушли изъ земли Суздалецкія и поселились на мѣстѣ томъ самомъ, гдѣ Боляры стоятъ, и присягоша татарскому хану. Земля у нихъ была обширная: селенія были рѣдки. Отъ подати первое время были освобождены, а потомъ была наложена небольшая. На каждые ворота было наложено по малости, а сколько, теперь не припомню.

— Какъ съ воротъ собирали? да ты, Иванъ Абрамычъ, брешешь никакъ?

— Нѣтъ не брешешь, брешутъ собаки, а истину говорю и въ писаніи есть. Тамъ еще сказано: когда народъ пообжился, дали всякія вольготы и на церковь позволеніе дали и училище у насъ завели, а потомъ, ужь должно быть при другомъ ханѣ, подати на ворота разомъ гораздо прибавили. А наши старики, неспроста знать, всѣ дворы поломали, сдѣлали два двора общихъ и только двое воротъ

поставили, за нихъ, за двое, и выплачивали. Ясачныя были хорошіе: велѣно брать съ *воротъ*, *ворота* двое, имъ какое дѣло, за двое воротъ и везли въ казну.

— Вишь, Ходжа, какіе порядки были при нашихъ-то ханахъ, отозвался внимательно слушавшій Ризванъ, обращаясь ко мнѣ.

Да, подумалъ я, еслибъ на такіе авторитеты положиться, такъ, пожалуй, можно бы было доказать, что самые Батыи заботились о благосостояніи тогдашней Руси.

Впродолженіе этой бесѣды, мы преспокойно ужинали.

Угодно знать, чѣмъ насъ подчивалъ Ризванъ? Сперва подали вареную баранину съ картофелемъ, которую брали руками, потому что руки сперва даны человѣку, а ужь потомъ вилки, — потомъ родъ супа, который заправляется сметаною; и больше ничего не было. Потомъ самъ хозяинъ сдѣлалъ айранъ въ большой чашкѣ и поподчивалъ меня.

Айранъ у татаръ замѣняетъ русскій квасъ и лимонадъ; дѣлается весьма просто: въ чашкѣ воды разводится извѣстное количество густой сметаны (сюзьма). Напитокъ очень вкусный, такѣ что и Иванъ Абрамовичъ попиваетъ его, приговаривая: пей, ѣшь кислое да горькое, и умрешь, не скоро сгніешь.

Вамъ скуденъ покажется ужинъ бая; но возьмите въ разсчетъ, что большая часть деревенскаго люду и этого не имѣетъ, а ложится спать съ чашкой пустыхъ щей или съ горшкомъ молока да краюхой хлѣба — и то говорятъ слава Богу, что хлѣбъ есть, — такъ и лопатка баранины будетъ въ роскошь.

Впрочемъ Ризванъ извинился, что въ хлопотахъ забылъ про гостя и заставляетъ ложиться спать голоднымъ.

Меня проводили спать въ особую комнату, гдѣ былъ уже готовъ пуховикъ, взбитый до нельзя высоко, четыре подушки и двухспальное адрасовое (*) одѣяло, снабдили свѣчой, щипцами и оставили.

Я долго не могъ заснуть, потому что въ сѣняхъ была постоянная бѣготня: то прибѣжитъ сотскій и скажетъ, что засѣдатель одѣяло проситъ, то чистую простыню, то наволочки, то свѣчей, то соли хорошей; на дворѣ тоже было неспокойно: сперва Иванъ Абрамовичъ собирался въ путь во дороженьку за семь верстъ киселя ѣсть, какъ онъ самъ выражался, прощаясь со мной, то, опять таки, отъ неспокойнаго засѣдателя прибѣгалъ сотскій за масломъ и за дегтемъ и шелъ въ анбаръ и погребъ съ Бикчентаемъ, бранившимъ засѣдателя не на животъ, а на смерть.

(*) Адрасъ — бухарская шелковая матерія на бумажной основѣ.

Наконецъ все стихло. Подъ лай и завываніе дальней собаки я начиналъ было погружаться въ грезы, какъ дверь отворилась и показался самъ Ризванъ со свѣчей.

— Ты спишь, Ходжа?

— Сплю, отвѣчалъ я, смѣлсь.

— Я хотѣлъ было съ вами (у него вы и ты часто мѣнялось въ разговорѣ, несмотря на то что былъ въ солдатахъ) покалякать объ одномъ дѣлѣ первой важности.

— Ну, иди, ничего, я все равно теперь долго не засну.

Ризванъ присѣлъ преспокойно на двѣ сброшенныя мною подушки, я закурилъ папиросу и далъ ему. Онъ курилъ только со мной на единѣ, вспомнивая старое фельдфебельство, когда тянулъ изъ носогрѣйки и сплевывалъ слюну до чахотки.

— Вы извините меня,— началъ онъ, успѣвши уже раза два плюнуть въ сторону,— что я не предложилъ спать въ той горницѣ (при этомъ онъ указалъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была пріемная для властей): тамъ клоповъ много, просто заѣли бы.

— Такъ это-то дѣло первой важности? Стоило объясняться....

— Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ что, Ходжа: ты вѣдь знаешь моего Ахмеда, куда бойкій, способный мальчишка, онъ у меня теперь въ мадрасѣ учится, тамъ и живетъ; такъ вотъ хотѣлось бы мнѣ его и русской грамотѣ научить и арихметикѣ — и всему. Можно его въ гимназію (слово это онъ донельзя перековеркалъ) отдать? А, какъ ты думаешь? хорошо бы было?

— Мысль хорошая, да не поздновато-ли? вѣдь ему теперь, я думаю, лѣтъ пятнадцать есть.

— Шестнадцать.

— Видишь. Онъ избалованъ, я думаю ужь и объ женитьбѣ думаетъ; по русски не знаетъ; ему будетъ трудно, а главное поздно. Впрочемъ, пожалуй, для татарина снисхожденіе сдѣлаютъ.

— Да это все ничего, я не къ тому говорю. А что, какъ онъ тамъ, да окрестится?! Вѣдь начальство, пожалуй, еще къ этому потакать будетъ. Вонъ и меня въ полку капитанъ Ноготковъ все уговаривалъ: хрестись, говоритъ....

— Нѣтъ, ужь ты, Ризванъ, о гимназіи не говори; туда ужь поздно и безполезно отдавать Ахмеда, перебилъ я его, а ты вотъ лучше выдай-ка за него Азизю, она прекрасная дѣвушка, да пріучи его къ торговлѣ, дѣло-то будетъ лучше.

— Азизю я отдамъ за Сераджи, онъ теперь самъ на ноги всталъ, а Ахмеду надо искать богатую невѣсту. Да вотъ, все таки мнѣ хотѣлось грамотѣ-то его русской выучить.

— Учи самъ, ты вѣдь самъ грамотный.

— Я самъ грамотный, а другаго учить не могу, не умѣю, и принимался было, да не умѣю растолковать.

Я посмотрѣлъ на часы: было половина втораго; меня клонило ко сну, и я зѣвнулъ.

— Спать хочешь, замѣтилъ Ризванъ, тоже зѣвая: — а мнѣ завтра много хлопотъ; Акинфій Савичъ пріѣдетъ, у меня остановится.

Акинфій Савичъ былъ становой приставъ.

— Зачѣмъ же еще становой, вѣдь ужь есть какой-то засѣдатель?

— Не какой-то, а самъ непремѣнный, да съ нимъ стряпчій. Слава Богу, хоть порѣшать со всѣмъ дѣло, двѣсти рублей куда ни шло въ послѣдній разъ.

— Завтра, значитъ, ваше дѣло и кончится?

— Не знаю, Ходжа, что̀ еще сходъ скажетъ. Можетъ, и недѣлю продолжится, сказалъ онъ, прощаясь.

Однако это не хорошо, думалъ я, оставшись одинъ, что становой у Ризвана остановится: не убираться ли мнѣ поскорѣе? И я рѣшился утромъ же ѣхать.

Проснулся я чуть ли не въ 12 часовъ; по крайней мѣрѣ когда одѣлся, умылся и принялся за чай съ аладьями и блинами, правовѣрные выходили уже изъ мечети отъ полуденной молитвы.

Становой, къ моему удовольствію, еще не пріѣзжалъ, когда добрякъ Бикчентай сторговалъ уже для меня ямщика до первой почтовой станціи. Сераджи, угощавшій меня чаемъ, предложилъ посмотрѣть на сходку, приглашая идти на чердакъ, потому что оттуда все прекрасно видно. Окно, около котораго мы расположились, выходило какъ разъ къ площадкѣ около мечети: тутъ было мѣсто татарскаго вѣча и призывный крикъ муэззина къ полуденной молитвѣ замѣнялъ вѣчевой колоколъ. Мусульмане вышедшіе изъ мечети, человѣкъ до тридцати, стояли около крылечка, нѣкоторые сидѣли на ступенькахъ и тихо о чемъ-то бесѣдовали. День былъ холодный, пасмурный, солнца изъ-за темныхъ тучъ не было видно. Площадка около мечети была довольно пространная; я уже воображалъ, какъ она усыплется народомъ, всякій будетъ подавать свое мнѣніе, другіе будутъ опровергать — все кончится общимъ согласіемъ на чемъ нибудь и потомъ всѣ разойдутся. Въ этихъ мечтаніяхъ я поводилъ глазами по всей той части деревни, которая была видна изъ окна, и глаза мои остановились на избенкѣ съ орломъ подъ крышею, держащимъ въ когтяхъ доску съ надписью *«Сельская расправа.»* Тамъ кипѣла своего рода дѣятельность: разсыльные и сотскіе смазывали колеса маленькой изящной брички, на крылечкѣ стоялъ съ сигарою

въ зубахъ господинъ, довольно прилично, даже щеголевато одѣтый, дававшій приказанія стоявшему передъ нимъ писарю.

— Посмотри-ко, Сераджи, сказалъ я, это непремѣнный, что ли?

— Нѣтъ, это засѣдатель, простодушно отвѣчалъ Сераджи, а вотъ эта коляска, что смазываютъ, тоже его.

Странно, если бы я услыхалъ вчера исторіи о двухъ стахъ рубляхъ не отъ Ризвана, а отъ кого нибудь другаго и не зналъ причины сходки, то ни за что въ свѣтѣ не повѣрилъ бы, что эта элегантная персона есть та самая, которая вчера обѣщала наивно переѣсть всѣхъ акбудаевскихъ куръ.

— Сегодня важпая будетъ сходка, началъ Сераджи, — видишь, Ибрай пришелъ.

Дѣйствительно, къ толпѣ подошелъ Ибрай, татаринъ лѣтъ тридцати, поздоровался со всѣми и, закинувши руки за спину, сталъ вслушиваться.

— Почему же это? Развѣ Ибрай что нибудь значитъ передъ всей деревней?

— У! какъ же?! — И онъ выразилъ на лицѣ своемъ сожалѣніе, говорящее: какъ, ты и этого не знаешь?! — Когда Ибрай чего захочетъ, такъ тутъ вся деревня согласится, съ нимъ спорить, ай, ай, плохо. Иванъ-то съ пустыми руками изъ Боляръ пріѣхалъ, — такъ вотъ тутъ разсуждать и будутъ и Ибрай пришелъ: сходка, значитъ, важная будетъ.

— Что же, значитъ Боляровскіе не даютъ еще 25 рублей?

— Бунтовщики, сказалъ, махнувъ рукой, Сераджи: — они завсегда такъ. А вѣдь что ни на есть до одного все народъ самый богатый.

— Такъ Иванъ Абрамычъ въ самомъ дѣлѣ семь верстъ киселя ѣсть ѣздилъ, сказалъ я, вспомнивъ его вчерашнюю фразу.

— Да, семь верстъ до Боляръ, подхватилъ, не понявшій меня, Сераджи, а до Лепехина три, — оттуда Бурмистръ привезъ деньги, тамъ барскіе не прекословятъ, да еще баринъ засѣдателя къ себѣ па обѣдъ звалъ, и коляску мажутъ.

Съ каждой минутой народу подходило больше и больше, разговоры становились громче, но до насъ долетали только мертвые звуки.

— Жаль, что мы ничего не услышимъ, замѣтилъ я.

— Все услышимъ. Какъ сходка начнется, такъ громко закричатъ.

Толпа увеличилась быстро. Баи акбудаевскіе и старики (карты), сидѣвшіе на ступенькахъ у мечети, оставили свои мѣста и, пробравшись сквозь толпу, стали группою около самой стѣны мечети; вни-

маніе всѣхъ сосредоточилось на нихъ. Сперва заговорилъ старый престарый татаринъ, подпершись обѣими руками на длинный свой посохъ. Что онъ говорилъ, мнѣ не было слышно, хотя толпа стояла спокойно. Потомъ повели рѣчь человѣка четыре разомъ, въ томъ числѣ и Ризванъ, такъ что хотя иногда и долетало до насъ нѣсколько несвязныхъ словъ, но попять ничего было нельзя. За ихъ рѣчью поднялся всеобщій говоръ и крикъ.

Толпа то раздѣлялась на мелкія кучки, то соединялась въ одну и къ центру лѣзъ какой нибудь битюгъ татаринъ, чтобы передать выработавшуюся въ его кружкѣ мысль. Они спорили о томъ, дать или не дать пятьдесятъ рублей засѣдателю.

Всего больше кричалъ Ибрай; я просилъ объяснить Сераджи, о чемъ же хлопочетъ этотъ Ибрай. Сераджи, понимавшій весь этотъ крикъ, который доходилъ иногда до самыхъ высокихъ нотъ, передавалъ мнѣ весь процессъ дѣла. Сперва кричали всѣ, что пожалуй можно прибавить, но поменьше, такъ цѣлковыхъ десять, двадцать не больше; потомъ Ибрай съ компаніею возсталъ противъ этого, говорилъ, что совершенно не надо; но его урезонили, что онъ городитъ пустяки, что если не дать, такъ будетъ хуже и перешли къ другому вопросу: какъ быть съ Болярскими мужиками, которые рѣшительно отказались давать больше денегъ?

«Такъ и слѣдустъ, кричалъ Ибрай, и мы не дадимъ, и Лепехинскіе не дадутъ, тогда съ нами ничего не сдѣлаешь; русскіе, видно, поумнѣе насъ мусульманъ». Но новый крикъ заглушилъ продолжавшаго неистово кричать Ибрая.

Я до того заинтересовался этой сходкой, что постоянно толкалъ Сераджи и безпокоилъ его вопросами: а что теперь тотъ-то говоритъ, а что этотъ?

Наконецъ и второй вопросъ былъ разрѣшенъ тѣмъ, чтобы снова отправить Болярскаго старосту къ своему міру и предложить къ вечеру же представить деньги или обязаться содержать за Акбудаево фарпостъ. Но Ибрай, успѣвшій составить себѣ новую партію, началъ снова кричать, что не надо потакать, а то совсѣмъ на шею сядутъ. «Не дадимъ больше, все продолжала кричать партія Ибрая, когда съ мечетью поравнялся экипажъ становаго вмѣстѣ съ самимъ его хозяиномъ, Акинфіемъ Савичемъ Фіалковскимъ. Онъ успѣлъ уже представиться слѣдователямъ и ѣхалъ къ Ризвану перекусить и отдохнуть. Его никто не замѣтилъ. Онъ выскочилъ изъ экипажа, продрался въ средину толпы, продолжавшей кричать попрежнему, въ экстазѣ не обращая на него никакого вниманія, и во все горло заревѣлъ по татарски: о чемъ, правовѣрные, рѣчь ведете? скажите-ко мнѣ, друзья мои!

Татары опомнились и нѣкоторые даже сняли шапки. «Надѣньте, надѣньте шапки, снова закричалъ становой, вамъ холодно: у васъ вѣдь головы у всѣхъ бритыя», и снова шапки были на своихъ мѣстахъ.

Одинъ изъ баевъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и онъ притворно захохоталъ. «Да плюньте, ребята, стоитъ ли говорить вамъ объ какихъ нибудь пятидесяти рубляхъ?»

Становаго уже не было, онъ хлопоталъ внизу уже въ сѣняхъ подо мною о самоварѣ, и его звонкій голосъ долеталъ до насъ. Сераджи тотчасъ кинулся внизъ, а я остался выжидать конца сходки; но до конца кажется было далеко. Начался новый крикъ еще громче прежняго и я, не понимая въ немъ безъ помощи Сераджи ничего, снова перевелъ глаза свои на Сельскую Расправу. Экипажа тамъ уже не было. Должно быть, уѣхалъ въ Лепехино на обѣдъ, да на вистикъ. «И мнѣ пора ѣхать», подумалъ я и отправился внизъ. Въ сѣняхъ десятникъ раздувалъ самоваръ, сотскій щипалъ курицу, а Бикчентай флегматически мурлыкалъ нѣсню, сидя на моемъ сакъ-вояжѣ.

— Выносить, что ли? кони давно запряжены.

— Прекрасно, и я готовъ; неси и скажи Сераджи, что я уѣзжаю, сказалъ я, идя въ избу за своей шубой и шапкой.

Сборы были не велики и черезъ какихъ нибудь десять минутъ я уже садился въ экипажъ. Ризванъ, пришедшій въ это время со сходки, очень удивился моему скорому и неожиданному отъѣзду и вмѣстѣ обрадовался, но изъ деликатности просилъ остаться. Я далъ обѣщаніе скораго свиданія, онъ заключилъ мою руку въ свои обѣ и пожелалъ счастливаго пути и скораго свиданія. На козла вмѣстѣ съ кучеромъ присѣлъ десятникъ, чтобы его довезти за водкой до кабака, который находился на другомъ концѣ деревни, немного вправо отъ нашей дороги.

Васъ можетъ быть удивитъ, что въ татарской деревнѣ есть кабакъ, когда законъ Магомета запрещаетъ вино; но несмотря на всѣ законы и преданія, бѣдный татарскій мужикъ съ горя и натуги несетъ трудовую копѣйку къ прилавку цаловальника. Кабакъ въ Акбудаевѣ стоитъ уже лѣтъ пять; прежде его не было, какъ нѣтъ его и до сихъ поръ во многихъ татарскихъ селеніяхъ, но съ поступленіемъ деревни въ руки Фіалковскаго, явился, возлѣ расправы, кабакъ.

Миновавъ мечеть, мы не встрѣтили ни одной мужской фигуры. Даже всѣ ребятишки были на сходѣ и составляли какъ будто конвой со всѣхъ сторонъ. Зато у каждыхъ воротъ съ большимъ навѣсомъ стояли кучки татарокъ, кричавшихъ на разные голоса съ акомпанементомъ вздоховъ и аховъ.

— Ишь, вѣдь какой хитрый, вопила одна татарка, когда мы остановились спустить съ козелъ десятника: — не хочетъ пѣтуховъ ѣсть, — куръ, говоритъ, всѣхъ перевѣмъ, знаетъ чѣмъ пострашать!

Ворота на этотъ разъ отперъ намъ старикъ татаринъ, выбѣжавшій изъ шалаша, стоящаго за околицей. Тутъ я понялъ назначеніе шалаша. Но для чего же тутъ этотъ привратникъ, подумалъ я, когда Акбудаево стоитъ на проселочной дорогѣ?

Ямщикъ объяснилъ мое недоумѣніе, что это также недавно завелъ г. Фіалковскій; а сторожа никогда тамъ не бываетъ, потому что руки дороги въ деревнѣ, теперь же сторожа сидятъ на всѣхъ пяти выѣздахъ, потому что власти въ деревнѣ.

Проѣхали кладбище, причемъ ямщикъ сотворилъ молитву, взобрались на горку, которая мѣшала мнѣ вчера увидѣть Акбудаево; впереди дорога была подъ гору и ровная, кнутъ описалъ на воздухѣ нѣсколько зигзаговъ и лошади понеслись; но не надолго: потомъ дорога пошла глинистая, размытая дождемъ, и лошади, поминутно скользя, потеряли энергію, не слушались кнута и шли почти шагомъ. Ямщикъ мой усталъ покрикивать на лошадей и загнусилъ какую-то пѣсню на голосъ: «гой пидъ гаемъ, гаемъ». Я молча сидѣлъ и глядѣлъ то на сѣрое небо, то на мертвыя, онустѣлыя поля, то просто въ спину ямщика; никакого разнообразія: направо и налѣво до самаго горизонта тянулись пустыя поля, впереди виднѣлась на нѣсколько верстъ извилистая рыжая дорога, внизу грязь; хоть бы встрѣтился кто-нибудь, — ни души. Скучно осенью быть въ дорогѣ. Отъ нечего дѣлать, я сталъ перебирать въ памяти все мое пребываніе у Ризвана и вспомнилъ Азизю; мнѣ стало еще грустнѣе.

— Что мало гостилъ? вдругъ обратился ко мнѣ мой ямщикъ. — Аль худо подчивали?

— Нѣтъ, не потому, что плохо подчивали, а въ городъ нужно. Развѣ у Ризвана когда нибудь худо подчуютъ?

— Да этотъ шайтанъ пріѣхалъ, такъ все у Ризвана иначе пошло.

— Кого это ты называешь шайтаномъ?

— А тотъ, Сераджійка. Настоящій шайтанъ: весь домъ въ руки взялъ, дѣвку испортилъ, жену уморилъ; да онъ, пожалуй, и отца уколотитъ, добавилъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ.

Я очень обрадовался разговорчивости Хабибуллы (такъ звали ямщика), потому что вообще люблю слушать ихъ сужденія. Въ настоящую же минуту, когда одною фразою онъ вдругъ подтвердилъ мои подозрѣнія и затронулъ любопытство, у меня на языкѣ завертѣлись вопросы: какъ весь домъ взялъ въ руки? неужели это правда, что онъ погубилъ жену? можетъ ли быть, чтобы онъ покусился

на Азизю? Неужели въ этой ничтожной, чахоточной фигурѣ столько силы и вліянія на всѣхъ?

Всѣ вопросы эти получили весьма удовлетворительные отвѣты отъ Хабибуллы. Своими подарками и покорностью Сераджи ослѣпилъ своего отца и, чтобы сосредоточить всѣ отцовскія ласки на одномъ себѣ, уговорилъ Ризвана отдать Ахмеда въ мадрасу, потомъ, вкравшись въ довѣренность къ отцу, сталъ управлять всѣми его дѣлами. Что касается до Азизи, онъ началъ съ того, что засадилъ ее за домашнюю работу: шить бѣлье, вязать чулки и вышивать. Тайно еще болѣе вооружалъ противъ нея свою старую мать, и въ тоже время защищалъ Азизю отъ побоевъ. Этимъ онъ заслужилъ ея расположеніе, увлекъ ее, потомъ совершенно нечаянно самъ влюбился въ нее, задумалъ даже жениться и вотъ тутъ-то начались притѣсненія на бѣдную Азизю со всѣхъ сторонъ. Не знаю какъ это объяснить, но я въ Сераджи увидѣлъ второй уже примѣръ какой-то звѣрской любви. Я зналъ одного господина, который любилъ дѣвушку, не могъ быть безъ нея дня и вмѣстѣ съ тѣмъ билъ и тиранилъ ее до полусмерти, а черезъ полчаса садилъ къ себѣ на колѣни, ласкалъ ее, плакалъ и валялся въ ногахъ, чтобы она все забыла. Сераджи мнѣ напомнилъ этого господина, — онъ, я увѣренъ, сильно любилъ Азизю; зачѣмъ же такъ преслѣдовалъ ее въ тоже время? Я плохой психологъ и рѣшительно не могу этого объяснить. Первую жену свою онъ подобнымъ обхожденіемъ довелъ до гроба. Онъ часто по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ около ея одра и плакалъ, но въ тоже время у него всегда на языкѣ было готово колкое слово для несчастной.

— Что же это, братецъ, значитъ? Онъ не любитъ свою жену? обратился я къ ямщику.

— Какъ не любитъ? любитъ. Кого бьютъ, того значитъ любятъ. Не билъ бы, еслибы не любилъ.

— И ты свою жену бьешь?

— Бью; мало только: хворастъ очень, такъ жалко; моложе была почаще и бивалъ, хладнокровно разсуждалъ Хабибулла.

— А ты мнѣ дашь на водку? вдругъ спросилъ меня онъ.

— Какъ, развѣ ты пьешь водку?

— Пьемъ водку? Нѣтъ, а ты дай на водку. Вонъ большая дорога, я тебя лихо довезу. Водка что, дрянь, прибавилъ онъ: — а деньги надо. Ты самъ видишь, надо.

— Ризванъ дастъ. Ты думаешь, я не знаю.

— Хе, хе. Ай, ай какой ты, все знаешь? Это прежде такъ было, а теперь нѣтъ.

Я хотѣлъ было ему снова возражать, но онъ меня перебилъ.

— Теперь тоже Ризванъ дастъ, да больно трудно ему назадъ отдавать, а все этотъ шайтанъ Сераджи, за рубль норовитъ взять три. Эхъ, хорошій былъ прежде человѣкъ Ризванъ, всякому помогалъ любя, а теперь все барышъ, потому вонъ теперь и Ибрай противъ него пошелъ.

— Да, скажи, братецъ, мнѣ: чѣмъ же эта сходка кончилась?

— Э! она еще и теперь не кончилась, а конечно порѣшатъ дать, тутъ и Ибрай напрасно изъ кожи лѣзетъ. Вотъ отпороть его, такъ тише будетъ. Какъ не дать! Хорошо, что вотъ Ризванъ у насъ есть, а то бѣда бы, дай Богъ ему долгаго вѣка, только теперь вотъ этотъ шайтанъ.

— Ну, ну, будетъ. Ты ужь надоѣлъ мнѣ съ этимъ шайтаномъ, сказалъ я: — погоняй-ко лучше лошадей: на трактъ выѣхали!

Онъ вздохнулъ и началъ нещадно хлестать свою тройку.

П. А. ШИНО.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

II.

Петербургъ при Петрѣ-Великомъ. Петербургскій островъ. Первый царскій дворецъ. Дома знатныхъ. Троицкая площадь. Гостинный дворъ. Казни на Троицкой площади. Татарская и русская слободы. Острова: Аптекарскій, Каменный, Мишинъ (Езагинъ), Крестовскій и Петровскій. — Адмиралтейскій островъ: Лѣтній садъ. Фельетонъ Петербургскихъ вѣдомостей 1719 года. Почтовый домъ. Иностранныя кирки. Кулачные бои около морскаго рынка. Адмиралтейство. — Московская сторона: Партикуляръ-верфь и катанья по Невѣ по царскому указу.— Васильевскій островъ: ложное объясненіе его названія. Планъ острова и зданій на немъ при Петрѣ Великомъ. Палаты князя Меншикова (*).

Въ переписной окладной книгѣ 1500 года по Новгороду Вотьской пятины значилось, между прочимъ: «село на Ѳоминѣ острову, на

(*) Источники для настоящаго изслѣдованія, кромѣ приведенныхъ трехъ описаній Петербурга на нѣмецкомъ языкѣ: 1713, 1718 и 1721 г., также записокъ Вебера и Беркгольца, и Полнаго Собранія Законовъ: Heinrich von Reimers, St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Здѣсь можно найти довольно полный сводъ иноземныхъ сказаній о Петербургѣ XVIII вѣка, но авторъ старался все изобразить въ привлекательномъ видѣ, а потому упускалъ или искажалъ то, что казалось ему неблаговиднымъ для печати. Bemerkungen über die Religions-Freiheit der Ausländer im Russischen Reiche in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchlichen Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte, dargestellet von J. C. Grot (3 Bände). Это сочиненіе любопытно по многимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ рукописныхъ матеріаловъ разныхъ иновѣрческихъ церквей и церковныхъ архивовъ. Также извѣстное описаніе Петербурга Богдановича, 1750 г., по рукописи Академіи Наукъ, и планы города 1705 и 1725 годовъ, составленные по историческимъ свѣдѣніямъ въ военно-топографическомъ Депо и изданные въ 1846 году.